

1927
№
19

СМЕНА

журнал рабочей молодежи.

„МОЛОДНЯ ГВАРДИЯ“

«КРУЖЕВА»

(Первый комсомольский кино-фильм)

Много разговаривали о комсомольской картине. Украина обвинула ее «Трипольскую трагедию» — наполненную репертимом сценную картину, вполне справедливо запрещенную репертимом и демонстрацию на территории РСФСР. Где-то в Москве обивали комсомольская кино-организация Ю. Яковлевича — и многие с изумлением смотрели на начинающих молодых кино-производственников. Потом внезапно появилась картина «Остров безлюдный», и многие кино-режиссеры писали, почему вывозят такую дрянь за границу? После этого случая стало известно, что это плохоникое подражание западным дегенератам и есть весь акт (точнее пассив) злосчастного союзна комсомола.

Совсем странно комсомольскую картину «Кружева», обещавшую быть действительно первой картиной, которой комсомол сможет гордиться, как своим непосредственным произведением. Молодежь и комсомол могут гордиться не потому, что это — «их» постановочная картина, а потому, что «Кружева» — картина, сделанная самой молодежью, самим комсомолом.

Читатели «Сибиряка» помнят раскопки Коловоя «Стенгаз», сюжет которого поделан в сюжете самарской картины, которую сейчас снимает режиссер Сергей Юженин. Раскопки этот извещает, как должно измениться всякое литературное произведение, из которой делается кинолента. Справедливое замечание, заподозренное в краде кружев — вот кратко основное содержание фильма.

Почему мы с такой радостью встречаем «Кружева»? Не только потому, что ее делают молодые кино-работники. Мы радуемся ей потому, что это — одна из первых лет, где проводится принцип нашего отношения к кино. Потому, что этой картиной мы докажем производственникам, начальству от кино, что картина без обычной пошлой любовной истории может оправдать любую коммерцию.

Между сторонниками показа нового комсомольского материала в художественных митингах и сторонниками бескомпромиссной исторической буфетной и картинной литературы (со спалнями, «разноязычием» и пр. трафаретными буржуазными вкусами), происходит борьба.

И чисто побеждают вторые. Так, например, такую вещь, как «Рейс мистера Ллойда», пузуют на траве рабочим, молодой же режиссер Петров поставил рабочую картину «Третьяк», и ее, поделав для приличия пару дней в Москве, выгнали в провинцию, куда, что если нет разложения, то публика не пойдет.

НА СНИМКАХ: ВВЕРХУ СПЕВА — Кадр круже круже. ВВЕРХУ СПРАВА — Боксер Брест в роли хулигана. В СЕРЕДИНЕ СПЕВА — Сидоры хулиганов. В СЕРЕДИНЕ СПРАВА — Гробовики в роли митингобойцев Пенки. ВНИЗУ СПЕВА — Парень с гармошкой во дворе клуба (П. Славин). ВНИЗУ В СЕРЕДИНЕ — Девушки-комсомолки, ВНИЗУ СПРАВА — В хулигане (Григорьев) и кучке фети «Иллэстр И. С. Коменко»

«Кружева» — картина здоровая и полная настоящей жизни, не перебранной «общими», потому она должна быть особенно ценной для нас.

«Кружева» — это ставка комсомола на право иметь свои картины, которые будут привлекать зрителя, а не только из заграничной экспор-

туры, но и из нашего «отечественного» кино-творчества режиссеров, работающих «под сурдинку» изобуржуазным вкусам.

О «Кружева» мы еще поговорим в будущем и пригласим поговорить наших читателей, когда картина поступит на экраны.

О. П.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. БАРАНОВ — Пластики и молодежь. Н. БАБАЙВ — Руки и крылья (черки). В. М. — Концы ли Краму? Н. НОВОСЕЛОВ — На борту «Любовной лодочки» (черки). ЗЯБЛЕ — Фабрики красных слесарей. ПРОФЕССОРА ОСТУДЕНЧЕСТВЕ — проф. МВТУ — Н. Р. Брилинг и проф. МГУ — Елистратов. В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ. С. КАРТАШОВ — У студентов. В. ПУНИН — Штурм вузов. АНТОН ЛЕЦОВ — Завет (фелетто). Л. БАРХАН — 560 метров (экспедиция на Эльбурс). Ж. ЖОНИ — Большая свеча (роман) — перевод и обработка А. ГАТОВА. О. П. «Кружева» (Первый комсомольский кино-фильм). Бурна.

Фотографии: С. КРАСИНСКОГО, Р. КАРМЕН, ПРЕСС-КЛИШЕ, ТАСС, СОВКИНО.

Иллюстрации: А. РАДАНОВА и др.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Червский переулок, д. 3/4. Тел. 2.72-24

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четкой от руки на одной стороне листа

СМЕНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИМ. И. МОЛОДАЯ ГИРАЛЬ*

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год	— 24 коп. 3 руб. 60 коп.
— 6 мес.	— 12 1 руб. 90
— 3	— 6 1 руб. 30
Отдельный №	— 1 35

Плата принимается в Главной Конторе Периодического Изданий Илиз. Молодеж. Газет, Москва, Третьяк, 13

№ 19

О К Т Я Б Р Ъ

1927 г.

ПЛАНЕРИЗМ И МОЛОДЕЖЬ

Статья для «Смены» начальника воздушных сил РККА СССР тов. БАРАНОВА

1-й кружок парящего полета

Одним из наиболее увлекательных видов воздушного спорта безусловно является планеризм. Поэтому нет ничего удивительного, что молодежь с живым, неослабевающим интересом относится к этому делу.

Планеризм в нашей стране имеет небольшую историю. Вскоре после гражданской войны возникли первые кружки, и на них самым значительным был кружок парящего полета в Москве.

С возникновением Общества Другой Будущего Флота планерный спорт получил довольно широкое развитие.

Планерные состязания

В 1923 году состоялись первые планерные испытания в Крыму, победителем от Коктебеля. На них участвовало только 9 планеров и много молодежи, и которая с горячим любопытством анималась этим делом.

Первые всесоюзные планерные испытания как бы оформили планерный спорт и дали толчок к развитию планеризма.

На вторых планерных испытаниях осенью 1924 года, также в Крыму, принимало участие около 50 планеров, и, наконец, третьи планерные испытания, состоявшиеся осенью 1925 года, привлекли еще больший интерес и такое же количество планеров.

Если на первые планерные испытания нам удалось собрать всего 9 планеров, то на вторые и третьи нам приходилось допускать лишь часть планеров, годных к испытаниям. Молодежь после первых планерных испытаний энергично принялась за дело, и построила планеров имела место во всех уголках нашего огромного Союза.

Наконец третьи планерные испытания 5 наших советских планеров с большим успехом участвовали на Рейнских планерных состязаниях в Германии, где получили ряд призов за высокие достижения. Нам лишь только, что скромные результаты первых планерных испытаний (там была установлена максимальная продолжительность полета 1 ч. 6 м.) на третьих превзойдены. Так, например, на планере КТИР была установлена продолжительность полета без посадки в течение 9 ч. 45 м., а на двухместном планере «Нимгеродер» летчик Юнгхейстер установил мировой рекорд с лассажиром дальностью 10 км и высотой 340 мтр.

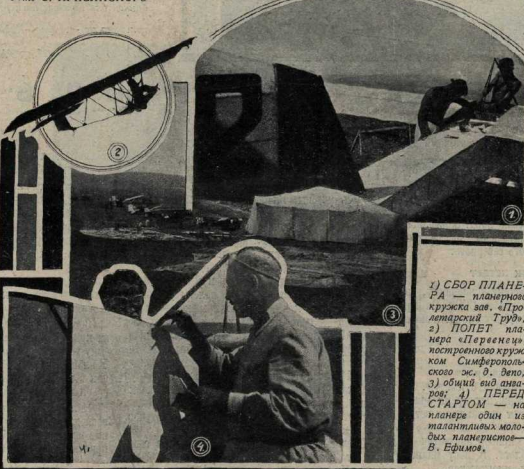
Самым тем, что замечательно четвертые планерные испытания, устроены так же в Крыму в районе Коктебеля. Последние планерные испытания привлекли около сотни участников, и подавляющее большинство из рабочей и крестьян-

ской молодежи. Правда, планерные испытания нынешнего года проходили в очень неблагоприятных условиях: почти за 2 недели не было ни одного хорошего по условиям погоды дня, когда бы можно было производить рекогносцировку. Но, тем не менее, испытания представляли огромный интерес.

Особенно их отличает выключается в том, что на этих испытаниях из 18 планеров значительное большинство планеров было ученических, при-

ЧЕТЫРЕ ПЛАНЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ В КРЫМУ

Фото С. КРАСИНСКОГО

1) СБОР ПЛАНЕРА — планерного кружка ав. «Пролетарский Трудр»,
2) ПОЛЕТ планера «Летучка», построенного кружком Симферопольского ж. д. Дель, является привлечение широких масс молодежи к участию в планеризме.
3) ОБЩИЙ вид испытаний;
4) ПЕРЕД СТАРТОМ — на планере один из младших планеристов В. Ефимов.

способных для значительно менее опасного скольжения планирования, а не парящего полета. Это позволило молодежи, не имеющей большого опыта, совершить около тысячи ученических полетов и, таким образом, приобрести вкус и любовь к полету. В частности, последние планерные испытания принесли огромную пользу Московской планерной станции. Эта станция уже в 1927 году выпустила 11 учеников из числа рабочей молодежи. Сейчас эта молодежь получила дальнейшую выучку и квалификацию на планерных испытаниях.

Планеризм—спорт, доступный всем

Но польза планерных испытаний, конечно, значительно больше и не ограничивается вовлечением в это дело только массовой молодежи. Проводя планерные испытания в качестве пилотов на планерах привлекали почти исключительно военных и гражданских летчиков. Рекордные парящие полеты по своей трудности мало доступны не только для новичка в полетном деле,

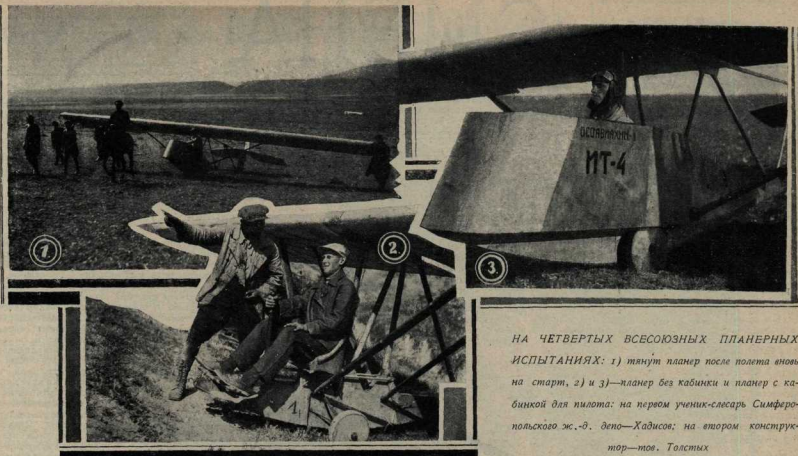
но даже и для малоопытного летчика. Даже искусному летчику с большим трудом удается справиться с их строгими требованиями. На испытаниях такого рода мы потеряли трех отличных летчиков: Колюбаева, Гудачева и Бернштейна. Но недостаток прежних планерных испытаний и всего уклона в планерное дело заключалось не только в очень большом риске парящего полета даже для хорошего летчика, а главным образом в том, что высшими требованиями к пилоту этот вид планерного спорта совершенно естественно но ограничивал круг лиц могущих быть активными участниками в этом виде планерного спорта. Планеризм тем самым превращался в аристократический спорт, доступный очень немногим, исключаям летчикам.

Последние планерные испытания дали возможность приблизить планерный спорт к широкой массе рабочей молодежи, а таким образом и вовлечь эту молодежь в интереснейшее дело строительства Будущего флота и привести этой молодежи любовь к летному делу к Воздушному флоту. Тот факт, что на последних испытаниях было совершено около тысячи ученических полетов, говорит сам за себя. Само собой понятно, что не исключаются рекордные полеты и работа в этой области, но основной, главнейшей задачей является привлечение широких масс молодежи к участию в планеризме.

Развитие планеризма дало дополнительный толчок другому, также крайне интересному авиационному спорту—малопланерному. В последние 2 года у нас достигнуты значительные результаты. Так, например, конструктор многих планеров Невадин дал очень интересную авиацию «Буревестник», достигшую высоты свыше 5.000 метров и скорости около 140 км в час, с мотором всего в 18 лш. сил, что является мировым достижением. Прекрасные результаты далалающийся самолет «А. И. Рыков» конструктора молодого кружка Юношеская с мотором в 25 лш. сил, совершивший перелет Москва—Харьков—Севастополь и обратно Севастополь—Москва без спуска 1.650 км.

Но самое ценное в планеризме заключается в том, что молодежь не только участвует в полете и приобретает навыки и любовь к летному делу у молодежи развиваются способности к творческой конструкторской мысли, к сложному авиационному расчету.

Планерный спорт будет способствовать развитию этого интересного дела среди широких слоев молодежи и прививать любовь к Воздушному флоту.

НА ЧЕТВЕРТЫХ ВСЕСОЮЗНЫХ ПЛАНЕРНЫХ ИСПЫТАНИЯХ: 1) явную планер после полета в воздухе на старте, 2) и 3)—планер без кабины и планер с кабиной для пилота; на первом ученик-скаляр Симферопольского ж.-д. депо—Хадисов; на втором конструктор—нов. Толстых

РУЛИ И КРЫЛЬЯ

Очерк НИК. БАБАЕВА

Начинающие планисты

Гора. Пара больших палаток, картонный домик из теса да лежащие из-за ветра расположение своих стен сооружение походного буфета. В палатках планисты.

— Юго-западный! 12 метров в секунду!—это сообщает свои измерения служба погоды.

— Закажите там в небесах порд! Заждались! Рекордсмены тоже вынуждены «бездействовать»,—нет и нет желанного северного.

Тов. Яковчук летает

Но ветерней тов. Яковчуку, планисту, чем имя известно далеко за пределами СССР. Он держит всеобщего рекорда продолжительности полета—9 ч. 35 м. 12 сек.!

— Выводи, ребята!..

— Есть!

Потопили стройное тело планера.

На земле выросла гигантская буква «Г», показавшая направления посадки, все время ориентированная в зависимости от направления ветра.

— Барограф!

Прикрепил барограф прибор, автоматически записывающий высоту полета. К носу планера привязан резиновый жгут-амортизатор.

— На амортизатор становись!

По обеим сторонам концов амортизатора, этой будущей рогатки, где место камня занимает планер, выросли десяток парней.

— На хвост!

Патерка сзади планера, упершись ногами в землю, приготовилась держать его, противостоять до поры до времени действию амортизатора.

— Растягивай!

Напряглись резиновый жгут, но летуну этого мало и следует команда:

— Ветом!

Побежал основание рогатки.

Но сдерживаемый больше сзади, планер мощно выскочил вперед.

Теперь его больше ничто не связывает с землей—он теперь в руках летчика.

— Гадди! Новая в восходящие токи!

Под горой на южном склоне спуска палатки. Здесь—кулина, выковыривающая смену работникам Красного воздушного флота.

Здесь учебные планисты и учебный старт. Здесь главный ветер свой брат.

Ученики еще далеки от рекордов—их надо научиться управлять планиром, научиться правильно делать посадку. Их полеты измеряются в лучшем случае десятками секунд.

— Ничего! Доберемся и до рекордного. А пока прыжки,—так называют здесь полеты учеников.

Но все дело как раз в этих прыжках—большие прыжки—больше навыки у учеников, ближе к педи! Педь—подготовка будущих летчиков.

И среди них первые две женщины. Некоторые из них летают с низкими; совершают балансирный полет. Начинаяте пускуют, конвоируют по бокам. Затем—свободный прыжок. Техника та же: тот же амортизатор, те же команды.

Но не только испытатели—учеба летунов, а и планиров и их конструкторов.

Представление на испытания планиры говорят, что и здесь мы шагам вперед.

— Планиры не хуже немецких!—и это высшая похвала: немцы в этом деле собаку съели.

В этом году на состязания приехало до 80 человек участии, среди них две женщины. Представлено 18 планиров: часть учебных, часть тренировочных, рекордных, есть и экспериментальные. К последней категории приписан планир «Гадде», т.-е. такой, у которого крыло и хвост имеют один и те же размеры.

Восходящие токи

Планиром—безмоторное летание—совершенно не случайно развивается у нас в Союзе.

Что такое планир?

Планир это тот же самолет, но без мотора и пропеллера, аппарат тяжелее воздуха.

Почему же планир, этот безмоторный самолет, летает?

Вспомним картинку запуска планира—ведь его запускают способом, мало чем отличающимся от запуска обыкновенного змея.

Как только планир поднялся в воздух, амортизатор отщелкается, и планир представляется самому себе (и летчику, конечно). Если нет порывов ветра, то планир постепенно спустится на землю, потому что сила веса планира начнет действовать, как и у запущенного бумажного змея. Если же есть ветер или так называемые восходящие потоки воздуха, планир подлетит и будет летать до тех пор, пока ветер не стихнет или планир выйдет из восходящих потоков воздуха.

Ветер и восходящие потоки воздуха, действуя на крылья (плоскости) планира, создают им подъемную силу, заставляя планир подниматься. У планира такие же рули, как и у самолета. Летчик в воздухе управляет планиром почти так же (у планира нет мотора), как и самолетом.

Надлежит гор, благодаря которым образуются восходящие токи и заставляют устраивать планирные испытания в Крыму, к тому же там благоприятные ветры.

Умелая смена

Теперь сравним. Планир стоит в среднем 250—300 руб., тогда как самолет—не менее 3000—35000 руб. Разница огромная. Планиру не нужно для полета бензина, масла.

Отсюда—обучать дешевле на планирах.

Далее, полеты на планирах дают возможность людям строить хорошие, экономические самолеты. Планиризм—это чудная школа конструктора самолетов. Кроме того, планиризм—увлекательный спорт. Кому не интересно полетать на изделия собственных рук?

Такие примеры, как полет маленького самолета (аппарат) тов. Яковлева, еще совсем недавно строящего модели и планиры, а теперь покрывающего на своем детище такие расстояния, как Москва—Севастополь—Москва, говорит за то, что смена растет.

Е Н О П Л И Р Ы М У ?

Очерк В. М.

За короткое летнее время в Крыму произошло целых два землетрясения — одно сильнее другого. Мало того, второе землетрясение тянется уже больше полувека. И поэтому кажется, поэтому, что Крыму пришло конец. Во всяком случае, думаю мысли, что как курорт Крым кончился — ему никогда после этого не возродится.

Все это только обывательские страхи... Ничего общего с землетрясением в Крыму не произошло; нет никаких данных о том, что землетрясения в Крыму будут в это время проходить бесочередно. В Крыму произошло обычное для этой геологической страны и возраста землетрясение; оно неизбежно закончится и сменится периодом долгого покоя. Но рассмотрим все это попоробее.

Причины

Прежде всего — отчего бывает землетрясение? Причины землетрясений три: трещины в земной коре, вулканические извержения и смещения земной коры. Провалы случаются над полными пустотами — пещерами, когда обрушивается их свод (потолок), подземный подземными водами; вулканические землетрясения — от прорывов во время извержения вулкана газа и лавы сверху земной коры и землетрясения трещин и смещений — от смирнения равнина, подчас и опускания земной коры, происходящих благодаря опусканию всего земного шара. Сморщивание земной коры при опускании земного шара приводит к образованию гор на поверхности земли, и все эти последние явления поэтому и относятся к так называемым горообразовательным процессам. Тектонические землетрясения, как известно, захватывают очень большую область, длится иногда очень долго и приводит поэтому не только к большим, но и многочисленным разрушениям. Провальные и вулканические землетрясения действуют на очень малом пространстве — от нескольких десятков квадратных километров до нескольких десятков квадратных верст; тектонические же охватывают иногда сотни и тысячи верст. Поэтому наиболее опасными являются причины большой верт мисности лавы. Крымские землетрясения как раз и есть тектонические.

Почему же и как происходит тектоническое землетрясение? Мы уже говорили — от смирнения земной коры при опускании земного шара. Дело в том, что земной шар внутри очень раскален (может быть даже до 200 000 градусов [1]) и только снаружи покрыт холодной морей. Обрушенная холодом (до 250—2700 миль) мирового пространства, земля неизбежно остывает и, конечно, сжимается. Ядро земли при этом сжимается сильнее, чем земная кора; кора от него отстает (рис. 1), поэтому морщится, как кожа на левом яблоке, и собирается в складки, а из этих складок и образуются горы и провалы.

Складки морщится и поднимается около миллиона лет. При этом они все время нагибаются круче и круче, покрываются иногда новыми складками, ветвятся, собираются в пучки, в месте с ними углубляется и область опускания.

или, наоборот, выпятытся вверх, благодаря давлению соседних частей коры. А оседаящие чаше потом садятся на более глубокие слои земли, которые лежат на глубине от нескольких сотен метров до 30 и даже 140 километров. При этом получаются обратные толчки снизу вверх вследствие отдачи, которые и вызывают тектонические землетрясения. В месте, которым опускаются слои земли, сидит и толчется в более устойчивый слой, расплоскаясь так называемый гипс центр землетрясения; а прямо против него на поверхности земли — в и центре. Самый сильный удар как раз и случается в эпицентре. В крымском землетрясении эпицентр лежал в Ялтинском районе или очень близко от него — оттого Ялта и пострадала больше всего. Если уварить по воде, налитой в чашку, или стружку по двум чашкам с водой, то по воде в чашке побегут волны. Такие же волны от центра землетрясения бегут и по земной коре и во время землетрясений эти волны еще усиливают землетрясение и часто доканчивают дело разрушения, начатое первым толчком.

Молодость Крыма

Если бы место первого толчка করা сразу опускаясь на устойчивые слои, то землетрясение могло бы окончиться в несколько секунд. Так это очень часто и бывает. Но часто бывает и так, что сорвавшись с пренебрежного места толчки поднимаются (или опускаются) не сразу, а в несколько раз,

XIV века, постронные генуэзцами, до сих пор еще сохранились, не имея ни одного следа разрушения от землетрясения. Они стали рушиться только теперь (в августе). Надо, конечно, полагать, что около сентябрьского землетрясения случится, и опять в Крыму наступит новый период

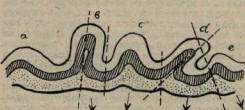

Рис. 2

покая на десятки и сотни лет. Длительные землетрясения в роде Наманганского бывают очень редко.

Нужно прекращать

Но что же делать в Крыму сейчас? Есть ли какие-нибудь способы бороться с землетрясением или нет?

Конечно, ни прекратить, ни предотвратить землетрясение мы не можем. Но зато вполне в наших силах предотвратить типичные последствия землетрясений.

Прежде всего в Крыму теперь нужно будет начать строить многоэтажные здания, а не только одноэтажные, чернравные. Надо прекратить постройки из земляного кирпича — «кальбас», из которого в Крыму делается теперь большинство крымских построек. Из нужно будет делать теперь деревянными или каменными и кирпичными, но на хорошем цементе. Подрывать временного типа, например, летние санатории, надо будет делать очень легкими — фанерными, много крымский климат это вполне допускает. Большие дома надо будет делать не из бетонных, при чем многоэтажных зданий надо будет избегать.

Жилые дома надо будет строить не только прочнее, но и на прочном основании — не на рыхлой почве, а на выходах твердых пород, на прочных скалах и слоях горных пород — при том непременно на хорошо связанных с ними фундаментах.

Построен на тонком слое почвы надо будет избегать, потому что такие слои во время землетрясения легко подрабатывают и сильно трясут все, что на них стоит.

Если это будет сделано, то при самых худших условиях в Крыму будет жить не опаснее, чем в Иезуалю, в Мессине, в Токно (в Японии), и других местах некогда случившихся горообразовательных процессов. В Японии землетрясения бывают ежегодно; во многих местах они бывают так часто не еженесячно — и что же? Живут люди, работают! Поэтому и Крыму не страшно, если бы он даже начал в это время трястись и чаше. Но на это нет никаких указаний. Вернее всего, скоро в Крыму наступит очень продолжительный период покоя.

Пока же этого не случилось, надо дать себе слово не забывать крымское землетрясение и во что бы то ни стало переходить на новые строения как можно скорее. Куй железо, пока горячо!

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В НАМАНАГАНЕ. Разрушения зданий в новом городе: стены трещины и осели, оконные рамы вылезли из окон, в старом же городе совершенно разрушено до 1500 зданий

пока не осведет до полной устойчивости. При этом, сжавшись с места, она может сначала осесть (или подняться) на много (так было 25 июня в Крыму); потом, не удержавшись на новом месте, она может снова сдвинуться еще сильнее (как 12 сентября), потом начнет мелкими толчками уплывающаяся на новом месте (как это до сих пор и происходит в Крыму), а потом двинется и еще сильнее ил слабее. И так до тех пор, пока не усядет вполне прочно. Это сгибание может продолжаться тысячи лет, совершенно неважно человеку, пока в один день оно не кончится внезапным разрывом и затем землетрясением.

Промежутки между землетрясениями называются периодами покоя, но покой этот — только для людей. Чувствительные приборы отмечают движения земной коры все же и в эти периоды. И покоя земной коры нет никогда! Она всегда в движении, а в большинстве случаев земной коры она образлась в складки еще недавно, в месте расположения еще молодых гор. Такие молодые горы находятся теперь в Португалии, Испании, Италии, Греции, как раз в Крыму, на Кавказе, в Персии, Северной Индии, Японии, на Зондских и Анталийских островах и др. Здесь можно сказать, горы еще растут: оттого здесь землетрясения и бывают (и будут) чаще всего. Люди эти горы не «постоят»; они не станут такими же устойчивыми, как Уральские. Тогда они уже перестают сдвигаться и землетрясения около них прекращаются навсегда.

Сколько же времени придет для Крыма? Нет — не раньше, чем через миллионы лет!

Но это вовсе не значит, что нынешнее землетрясение будет продолжаться в Крыму тоже миллионы лет. Крым всегда подвергался землетрясениям; только за последние 60 лет они были в 1868, 1875, 1904 и 1920 г.г. Но таких сильных, как сентябрьские, в Крыму не было по крайней мере уже 300 лет, потому что башии

Следующий номер
журнала посвящен
десятилетию Октября

Рис. 1

Если бы земная кора была гибка (как кожа, кожа на яблоке или ткань), морщинами только становились бы выше, а борозды глубже — и только. Но так как земная кора твердая и часто раскалена, то, изгибаясь до известного предела, морщинами ложатся или по гибкой, или у самого основания там, где она круче изгибается или состоит из более ломких пород (рис. 2). В places равнина часть морщин может потом сонуться вниз

ДО ПЕРИ

Родные паастинны

нас—и перец над всех уголках судна семейные идиания: приехали жем.

Даже бородака на левой щеке Николая светит той родюстью, когда его Гавна, половин заболуюту голову мука к себе на коллин, ласково наводит на грешные шювше. Хедьда не нѣмек нанявиться со своей трехмеховой Машью: он как за руль садится, ухитряясь держать Машью в равновѣсѣ, и то кричит как другой правит, чем вызывает невыразимый ужас у своей молодой жонки:

Та, Хедьда!.. Ст-жу дурной! Давай мени Машью вилеветь!

И только капитан как всегда хмуро осорочен, да и то его оныме, жесткие уши нет-нет опустятся вловь тра, скрывая скуную улыбку.

О не, и це, и то

Гривый взгрузень. Вместо 7 кубов омаилось 7,85—получено 824 руб. 25 коп. 33% отчислено козлевым судна, вычтены расходы: погрузка, погрузный сбор, тарачь,—остается чистого на каждого из козлов по 50 руб. 50 коп. Частный рейс, хороший брут!

Умьба удовольствия на загорелых лицах сменяется выражением озабоченности: треба купить о це, и це, и то. Раю о утра судно пустеет: все, кроме мяса, улетывает на бабур.

Час—другой—третий—четвертый—пятый. Наюмень, кто-то с треском покатывает к наберенной. Выскочивая из каюты навверх. Это Машья на и вонючие провиня гостины и обонья.

Его лицо ничто выбрито—сниет сознанием явленного долга, радостью домовного хозяйства. Беренно он снимает с извозчика огромный мешок сухарикам, беренно авалывает его на спину Мышка (Машья—его временный сын), и согнутой в полторы погнбил Машья ушли мешиню по пригбающейся сходке... Следующее явление—Хедьда с дюжиной сходки... Его появившееся лицо озабочено лужами о ремете своей шпальды!

Плюсокляная парусная лодка.

— Ст-же... бормичет он...

И, наконец, нечто громадное вырастает на горизонте. Когда оно приближается: «Де шипитная сестра Кильда! На лицах подшехих—наидитна, тетни Хювино и двадцатилетнего парубка Паави—не столько гордости за приобретение, сколько страдной труппы за это приобретение: благополучная знамя бы, не пообедеть бы на углах красисю... Одно за другим, осторожно, как шиф с посылу, выгнутаеся о вода и погружается в трюм «Любовной Дочери»—возрастных размеров—увеличиваясь, летящих величина руудак на четырех лодках с золочеными колесиками и два гнута студа. Во взглядах присутствующих—зависть бы, и даже поода!

— Кильне—бачте! А Паавк—ничто... Однако, мени занимает вопрос, прошено ли чие мое безбожие и остоюсь ли я практиком на «Любовной Дочери»? Никто—ничего, ни слова.

Вечером вся взрослая часть команды приняряжается—Колька, ижед на берег: побормоза, та-й чермоза, —И подгласив, зачем Хедьда понаблалась эти благонадежны моторивна—вѣдь труд район—иона. Соглашавшея. По дороге в кабак, шаяя расхвачиваеся похожю морского жадом со своим, капитан вѣдь обращается ко мне:

— Колька, ты дальше с нами поедешь?

— Ну, конечно, поеду! Мне надо два месяца продрать...

Пауза.

— А грощи ты возьмешь себе? Чи нехай они у мене остоутся?

— «А»,—подгласив, я—им просто невмогю, треба бы, идила, потому что вместе со мурд уйдут и подгасут рубль, которые я остою на сохранение капитану.

— Да пускаяй они пока у вас остоутся,—бездарливо отвечаю я.

— Ну, нехай остоутся,—так же бездарливо отвечает капитан.

Денги оказались сильнее бога! Я остоюсь на «Любовной Дочери».

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Какой бы из областей нашей жизни, нашей общности мы не коснулись, всею можно заметить тот переворот, который произошел в ней 10 лет революции.

Одним из нагляднейших примеров этого переворота, распространяющегося в глубь, охватывающего почти все стороны общественной жизни, мир. Октябрьская революция впервые открыла доступ широчайшим массам трудящихся к тем векам накопленным сокровищам человеческой мысли, которые заключены в книгах.

нм, как тумлеться за броуновскими кулаком танка, бросаеся в гулу масс оиним трехкопеечником, беренно авалывает его на спину Мышка (Машья—его временный сын), и согнутой в полторы погнбил Машья ушли мешиню по пригбающейся сходке... Следующее явление—Хедьда с дюжиной сходки... Его появившееся лицо озабочено лужами о ремете своей шпальды!

Что мы ижед теперь? Наша республика может гордиться теми книжными кадрами, которые она успела протолкнуть и массам, протолкнув за такой короткий срок, которые, в сущности, являются десятилетие. Мы успели издать в издании самых различных ступеней доступности литературное наследство революционной мысли. И наши издания, различающиеся по своей ценности, равные по своей идейной правдивости, в отличие от лицемерной двойственности дореволюционных изданий для народа и изданий для не народа.

Но только этот революция выдвинула и во многих случаях осуществила требование органической доступности, ясности литературных произведений всем слоям трудящихся. Наша книжная продукция пропитана единственной целевой установкой—бессельного уничтожения рабства, эксплуатации и предрасудков. И потому она стала родной своему новому потребителю—пролетариату. Создала свои духовные ценности революция вывинула в роль писателя, автора, ижед человеческие кадры, кровно связанные со своим революционным классом, которые доведут до конца это обложение письменности с психологией трудящихся.

Истарого наследства мы берем все то, что в нем действительно ценно, но и из этого—отбросим не все и не этого—найдем доступ и новому читателю.

Известна такая, например, глава читателей о «Братях Карамазовых» Достоевского: «Было бы хорошо, если бы автор был безбожником. И в этом замечании скрывается не столько недоволь-

ственная подготовленность читателя, сколько отталкивание от чуждой идеологии. Как бы не напригнуто горел в своем творчестве Достоевский, читатель неизбежно чувствует глубокую пропасть между своим антирелигиозным сознанием и черноморническим мировоззрением такого гения, каким был Достоевский. Новому читателю трудно войти во все тонкости «Анны Карениной», он скорее и неохотнее удовлетворяет в ней только культурные бытовые формы, и пр.

В противоречии выковывается новая культура книги, писательства, чтения. И «Евангелие» и прочая дребнежь уже давно выброшены в хлам, а на смену им новое поколение читателей красуются простые, но перлентные, но не оии ра перлентные тонкости новых учителей, новых товарищей в отыске, размышлении и работе.

КНИГИ

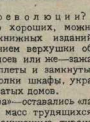
Мне дорог час, когда букварь
Мне преподес отец в подарок.
Над ним
В густинушную хмарь
Я жг свечу скупой огарок...

И из трамвайного окна
Глядед на вывески, читая:
«Продажа фруктов и вина»,
«Антка»,
«Чайная»,
«Мясная»...

Не буквы вывесок,—тома
Теперь я по чотому готаю...
И сам,
Когда густится трава,
Стихи украдкою сагаю...

Да, книги разожгут мету.
В них—мысль дорогой источник...
Быть может, в них
И я власту
Свои коротенькие строчки...

Виталий Уваров

Что мы ижед до революции? И до революции было много хороших, можно сказать, даже прекрасных книжных изданий. Но во времена дореволюционной буржуазной общества, его интеллигентских слоев или же—заменяте в золотые тисненые переплеты и замкнутую в оловянные, позлащенные потюлки шкафы, укрывающыи и истинные богатства домов.

Все эти духовные богатства—оставались яврем без ключа—для широких масс трудящихся. Этому способствовали и ограниченные тиражи книг и изданий их незначительность, а зачастую и измеренная трудность понимания.

Для рабочих же, для крестьян изготовлялись особые духовные лица. И первым, венками известным без слухом вышедшим светом изданным «Евангелие». Это был шит, который эксплуататоры заслоняли себя, свою жизнь от эксплуататорских. Евангелие было самым, может быть, многотиражным изданием царского времени. И за

ПРОФЕССОРА О СТУДЕНЧЕСТВЕ

Подготовленность оканчивающих вузы студентов благодаря новым техническим требованиям, предъявляемым к поступающим в вузы, заметно повысилась. Это подтверждается дипломными проектами студентов. Оканчивающие МВТУ в этом году проработали дипломные проекты значительно детальнее и подробнее, чем в прошлом.

Значительный поворот интереса среди студенчества к технической литературе, чтение которой позволяет студентам более широко охватывать заданную тему.

Самым местом является все еще недостаточная подготовка, базируемая студентами с момента 11 ступени, в результате чего студентам приходится затрачивать значительное количество времени на повторение знаний, что отвлекает его от работы по прямому заданию — по изучению технической дисциплины. Вследствие чрезмерной нагрузки, недостаточной материальной обеспеченности и необходимости изыскания заработка на стороне, в отечестве вследствие недостаточной дисциплинированности ума студентами перестраиваются в течение рабочего дня.

Значительное количество студенческого запаса, как на лекциях — стало нормальным явлением. К числу слабых сторон учета следует отнести аккурентности системы. Эта система в том виде, как она применяется сейчас, очень устарела.

Необходимо всю работу перенести на упражнения и коллоквиумы. Лекционная система внушила серьезное опасение с точки зрения ее целесообразности еще в довоенное время.

Что касается профессорской смены, то сейчас уже по многим дисциплинам намечаются очень сильные молодые работники, которые с частью смелости в будущем нести значение научного работника. Но необходимо, однако, больше уделять внимания будущим профессорам. Совершенно необходимо облачать и расширять практику командировок, позволивших бы научной работе за границу. Это необходимо потому, что увеличение своих знаний в самом производстве у нас в СССР, благодаря малой дифференциации и специализации, приносит мало пользы и тормозит подготовку научных работников по выбранной специальности. Необходимо также улучшить материальные положения аспирантов, так как необходимость изыскания дополнительных средств к существованию отвлекает их от работы по изучению наименее дисциплины.

Нельзя не отметить, что за последние годы заметно ухудшились взаимоотношения профессор и студент. Молодежь сейчас очень пренебрежительна к колосу профессора, работает иными дружкой, в товарищеской атмосфере.

Профессор МВТУ Н. Р. Брилин

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Вещи имеют свою историю, и многие из этих историй значительно интереснее самих вещей. В частности, история создания картины «Сор» (вузовская молодежь), о существовании которой вообще без особого труда может догадаться по напечатанным снимкам, но много раз интереснее самой картины. Во всяком случае, история ее проклад свет на то, как иногда портит и оплошует действительно важные и серьезные для нашей действительности темы.

Начнем сначала с названия картины. Сначала она называлась «Сор», потом — «Отрыв», потом «Бархатная лапка». Теперь снова «Отрыв». Как-то еще зимой на собрании вузовской молодежи был прочтен очерк «Сор». В очерке рассказывалось о вузовце, попавшем в лапы (тут же выжислялось, что лапы были бархатными) петлями, о его кутежах, о расстрате студенческих денег и пр. Учредив решение вернуть его под истинный и вдумчивый студентам, расписавшимся в получении денег. Вузовцы выплыли. В архивах Союзки лежал проект, где вастенографированы выступления студентов, разговаривавших, что очерк не похож на вузовскую действительность. Очерк сначала переделывали, потом плюнули и стали ставить.

Прежде всего режиссер отправился в самую красоту на Петровку и заставил студента повергнуться велью всех приборов, которые должны были свалить из него молодого похитителя сердца, так сказать, светского люда на космополитский манер.

Режиссер терпеливо заснял булвар, сбежал на минуту в общежитие показать разваляющегося (тоже!) поэта и страдания его жены, потом поспешно перешел действие в низмарский дом.

Завлекший меня в МГУ попросил Совкино дать ему картину на первый просмотр.

— Картина студенческая, дайте посмотреть студентам.

На него лане ружья замахали — что вы! Ишь, чего захотел!

В то время, как уже давно отшли в область правды вузовские «Собаки переуле» и «Афины ночью», ворвавшиеся в литературу, наши кино-дел мастера собираются штурмовать тем же сортом, то же дешевой (не думайте, что мы говорим о неидеологической стоимости постановки!) на экран.

Дайте молодежи на экране, но не подавайте ее в оправе булваров и фронтов.

ФАБРИКИ

ВУЗ с одним студентом

С каждым годом жизнь вузов становится все более утраченной. Совсем еще недавно мы имели вузы по преимуществу двух типов: либо первокурсные студентами, как говорится, да отгады, либо совершенно пустующие, лишние сколько-нибудь необходимого материального оборудования, педагогического персонала и пр.

«Что ни город, то город» — говорит народная пословица. Была время, когда эта пословица звучала по-иному, по-современному: что ни город, то вуз... Было одно высшее учебное заведение, в котором был полный набор преподавателей и 1 студент.

А с другой стороны... с другой стороны, кому же незваным тоном лихорадит студента, месяцами дожидаящего очереди в занатоме, в виду отсутствия туалетов, столов, стульев и сидений многолюдно? А. В. Дудяковский делал своим впечатлениями, вынесенными в результате посещения Каванского университета. Он посетил последний курс кафедры и убедился в его чрезмерной перегрузке: пропускная его способность — 125 студентов максимум, а там работали... 450 студентов.

Но... так было еще недавно, теперь не то... Прямо же, это основное в современной жизни вузов: переход к плановости, поддержка сколько-нибудь жизнеспособных вузов, но не погоня за количеством — ущерб качеству, обеспечение студента известным, пусть еще несовершенным, но уже сносным, приближающимся к норме, уровню обучения учебы.

ИндустрIALIZация и вузы

Мы еще не точно знаем, сколько нужно будет в ближайшие годы иметь специалистов в разных отраслях народного хозяйства. Мы выдвигаем в основу систему индустриализации. Одно из условий вузов в особенно вузы не лица, кого им следует готовить: сносен с универсальным уклоном или широко образованных специалистов? На кого ориентироваться — на Америку, где в вузах преобладает узкий спец, или на Германию, где инженер получает широкое обще-техническое образование? Мы нашли выход из положения, пойдя своим путем. Мы оторвали крайности, мы выдвинули во главу угла связь вузов с реконструкцией народного хозяйства. Особое внимание уделено в программе наших вузов легкой производственной практике студентов. В 1926 г. вузами РСФСР было использовано до 35 тыс. мест производственной практики. По сравнению с 1925 годом, число мест удвоилось. Но даже и в этом случае не все студенты могли пройти практику. Увеличив индустриально-технических вузов, нуждающихся в прохождении практики, были удовлетворены лица на 68 процентов, студентов технических — на 79, машинных — на 25, и т. д.

С каждым годом учеба в вузах становится все более добротачеством — это самое главное. В первые годы революции приходилось думать не столько о поднятии качества учебы, сколько вообще о пролонгировании в высшую школу и хотя бы о частичном изменении социального состава студенчества. Теперь положение изменилось коренным образом. Вуз уже может и должен дать хорошую продукцию. От системы усвоенных выпускот, т. е. выпускот недообученных до конца, полу-специалистов, мы можем смело отказаться. Тем самым вузы открывают новую страницу своего развития. Вуз не забывает, что индустриализация страны зависит, в частности, от степени подготовки технического персонала. Вполне понятно, что, имея

КРАСНЫХ СПЕЦОВ

Очерк ЭРДЕ

такую цель перед собой, мы доклады были откажутся от системы раверсток и командировок при командировках вузов, сохранение ее в виде исключения только для обычных рабочих и представителей остальных национальностей.

Чем заменить экзамены?

Надеемся чашими попасть в вузы настолько велик, что только малая часть из кандидатов имеет возможность осуществить заветную мечту.

ПЕРВЫЕ ДНИ В ВУЗѢ. Вот как она выглядит—стипендиальная книжка!

Необходимость отбора сама по себе еще не говорит в пользу вступительных испытаний или, выражаясь по-старому, экзаменов. В данном случае опять-таки на первый план надо выдвинуть отбор вначале подготовленных к работе в вузах (но, конечно, не в ущерб социальному составу вузов), т. е. качественный отбор. Экзамены—не идеальное средство испытаний, даже совсем не идеальное. Но как обойтись без экзаменов при зачислении в вуз и в дальнейшей учебе? Советская мысль сейчас интенсивно работает над проверкой педагогических методов в вузах.

Высшая школа заменяет постепенно исторический метод (классные диспуты, лекции студентов) новыми методами (семинары, кружки, лабораторный план и т. д.).

Некоторые профессора пропадали беззаветнейший опыт экзаменов с книгой. Это значит, что студент, получая задание, может пользоваться книгой и не обязан во всем полагаться на память. Такой метод излечит школу от таких нечеловеческих приемов «сдачи зачетов», как ответ по шпаргалке или запрятанной под шаргу книге. Но такие «задания» представляют пока только омут—не более. Сдать экзамен «на храню», «на ура» считалось шимом особым родом у старого студенчества. Найдут такие любители легкой наживы и в современном составе вузов, но с каждым годом их становится все меньше и меньше. Студент теперь стал серьезнее, глубже выкиает в суть изучаемых дисциплин; он, наконец, более подготовлен к усвоению курса, нежели раньше, в голодные годы. И если студент и теперь подчас хромает, то ведь не из-за отсутствия отдельных объективных причин, несколько строк из письма одного студента, горячо откликнувшегося на тему о сдаче экзаменов «на ура» (об этом пресса только-только неоднократно): «Зайдите в приемный Гав-профобра и посмотрите, как там живут те, кото-

рые за тысячу верст «на ура» приехали в Москву. Подготовьте с ними. Зайдите на Гальвановскую, № 3, разденьте и доложите без одежда спар... «Не успели приехать в Москву для поступления в вузы, как с вокзала пришло много бежать искать заработка»...

Кто учится

В жизни вузов свет и тепло образуют известное сочетание. Материальная беднотаустроен-

ПРОФЕССОРА О СТУДЕНЧЕСТВЕ

Студенчество в массе проявляет чрезвычайную напряженную работоспособность, ярким доказательством этого является увеличивающийся количество посещений и требований в различных кабинетах, имеющих при факультете. За год количество виробаний и посещений настолько увеличилось, что кабинетные часы перенесены с 9 часов утра до 9 часов вечера и едва успевают удовлетворять требования. Студенты спрашивают не только учебники и учебные пособия, но и также и необходимую литературу. Значительная часть студенчества дня отныня употребляет также на учебу.

Гражданским преимуществом у нынешнего студенчества по линии советского строительства и факультетов является его практический опыт. Очень большое количество студентов до вузов работало на тех или иных должностях, многие работали в колхозах. А это дает им большие преимущества, которых было лишено дореволюционное студенчество. Напротив, самым пунктом нашего студенчества является его недостаточная подготовка к овладению математикой. Изучение советского строительства и практического применения правовых норм дается с полной легкостью, теоретическое же обоснование, наоборот, дается с большим трудом.

В последнее время наблюдается очень острое явление: отдельные студенты начинают брать для проработки иностранную литературу. Это пока единичные случаи, но и это есть прогресс.

Профессор 1 МГУ А. И. Епистратов

0,2%. Прием 1926 года, несмотря на отмену раверсток, еще более улучшил социальный состав вузов, о чем говорит данные приема: рабочих 28,2%, крестьян—22,2%, студентов и интеллигенции 45,3%, ремесленников—2,7%, нетрудового элемента—0,1% и прочих—0,1%. Последний прием, без всякого сомнения, повел к улучшению социального состава вузов в этом же направлении. Рабоче-крестьянская молодежь всегда доступна к вузам и самим вузам...

Теперь нужно овладеть процессом рационализации учебы в вузах. Задача нелегкая, что и говорить! А, ведь, от рационализации очень многое зависит: даже при всех нынешних объективных условиях, при данном размере стипендии, при данных объективных по всем показателям и т. д., рационализация учебных планов, расписания и методов занятий подымаю им успеваемость студентов на значительную высоту.

Жизнь вузов проходит напряженным темпом, в вузах закладывается новый, составленный плоть от плоти рабочего класса, будущий комсомат промышленности и социалистической культуры.

ПОСЛЕ ВУЗА. Советские университеты уже дали несколько выпускных красных специалистов. На снимке—молодой инженер в кругу рабочих розного завода

С ОБЪЕКТИВОМ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Очерк С. КАРТАШЕВА

товленного им варева, его все же с опаской обходили стороной, крича, что он сейчас заведется...

Гармонь

Какой замечательный гармонист! Гармонь трещит, изгибается, скользит в руках молодого парня, как змея.

Ох, хорошо траву косить,
Которая волнуется,
Хорошо того любить,
Кто крепко избуется.

Он очень популярен здесь в общежитии. Это старый гармонь, поганый союз из далекого Воткинского завода вместе со своим неразлучным инструментом. И стоит ему только заиграть, как

О нашей студенческой молодежи сложились целые легенды. Зима зашенила. Одно за другим вышли в свет произведения Романовича, между собой, ошеломляли читателей студенческим понижом, то, в фактох по времени подосел процесс братьев Куреньковых и в ответии Терехина; здесь уже подчеркнуты моменты индивидуальности, талые, что за «музыкальными стенами», за стенами вузовских и вузовских неформальностей. Вузовские стены как бы стали мостом от студенчества к общему вопросу: «Какова же наша молодежь только по Москве, но и по всему СССР, бесслышим образом и отключению?

Но острая малочисленность больших степен в среде молодежи, была подтолкнула к вопросу о сенсационной крикливости — многомимое имя «загружено» по давлению вузовских романов вузовские студенты, они естественно на заметки или не обрели быстрое бунта, насыщенные глубоким интуитизмом. Наступило вично и не сенсационному» показу со стороны, а избиранию мода на эти страницы журвала.

Кухня

Прежде всего здесь чисто. Я был здесь год назад. Тогда в коридоре гуляли припусы, гуттались в ногах марфилианная шпунка, и пустые пакетики с жестянками от консервов шваро уносили пол, как воскресную луняку в пригородном лесу. Теперь все это перенесено в отремонтированную заново кухню, не все, впрочем, только приуса; что же до жестянок и пакетишков, то для них отведено специальное помещение — сорный ящик, который хотя и существовал в природе и в прошлом году, но находился в известном пренебрежении. Да и прикусов стало меньше. Улучшились обемы в общей столовой, и научачалась война над этими комолыми, шипящими чудовищами потеряла свой смысл. Впрочем, сохранилось несколько отчаянных светляков, которых переубедить невозможно. Это очень высокомерная публика, которая страшно высокого мнения о своих кулинарных способностях. И как это ни может показаться странным, среди них больше мужчин, чем женщин. Среди даже имеет поваренную книгу и готовит по ней. Это — от являющийся турман. Товарищи, живущие о нем в одной комнате, над ним пошучивают, что если бы был специальным вуза, где готовят высококлассифицированных слеза учеников, он пошел бы туда. Это не мешает с алгоритмом уточнять его страшно.

Рассказывают еще о другом таком начинающем кулинаре, которому мастерски совершенно необычный рецепт для изготовления супа, куда вставляли несколько ступок из другого рецепта — по изготовлению феллерварта. Хотя он и уверял впоследствии, что проглотил не больше одной ложки этого необычного в истории супа много

кругом уже столько народу понабьется, что не протолкнешься. Он игнорирует, а двадцать молодых согласных глотком тремит прирев популярной эдак певицы:

«В саду, говорит, в лесу, говорит,
Госла, говорит, оосенка,
Поваривалась инет, молодцу,
Уральская девчонка»...

Гармонист здесь известен высоко. Его уже переманивали на другой этаж и даже в общежитие другого вуза, где ступили вельские женские и небесные блага, включая отгеляющую комнату, но здесь он вместе с земляками и нигуда от них уходить не хочет.

Гремит, растет, ширится лесня и вот тесно уж ей в этой небольшой студенческой коммуналке; вся гурьба вываливается в коридор, где простору больше.

Кончилась одна прелесть, ватушки дружку, а два кто-то пошел дробно перебирать ноги, выходящая заковыристые колготки и хлещая руками об пол.

Парень пляшет русскую. Но вот товарищи начинают поддразнивать украинца, чтобы «моксиком» нос утер, тот откатывается отнекивается, но когда гармонист переходит на «чакачка», не выдерживает и пускается в пляс. А тут уж и новые сюжетки появились. Только играй, а плясать будут кто за пари. Ноги молодые, силы резвой много, но гармонист уже велл поплотую высокую ноту и, рево обрывает ее, захлывающий гармонь на плечо.

— За-
вудки, б
играет —

Оти и
фака и в
пачкой
одеты не
конец нек
палот око
Интер
Сепаль
... По
на эти

Если вы хотя бы белым взглядом окините "А серию фото-каким он предостерегает бы вам, если вы невидя заводили мачсы, лаборантов, общестемия... Вот в ней раз все-таки; вы вернулись одной и той же впрямую? Вы прислонились к труну под присмотром старш товарища; если дело касается жамин... Обещание. Но несоблюдения с оставили мне кинематографу. Милостиво разобрав, несомненно а всегда поможете неземно расправиться с тринным апартамента среди товарищей но комнате: дважды выкинуть ходится пересмотреть содержание своей книги и заду...

ГОЛОС СТЕНЫ АУДИТОРИЙ И ОБЩЕЖИТИЙ

Фото — Р. КАРМЕНА

...сложился целый лесок. Жизнь этого года оказалась рекордной в этом отношении Романова, Маланова, Гумилевского. Все они, как бы сотрясая ценные кошельки, гл. (в фактах полной распухлости вундер-Клему же ренювова и в ответ и него на подмостки театров вступила мыса «Константин» оменты увличивания итдельных слов тех же молодежи. Создалось впечатление, что в стенах вузовских аудиторий могут прозвучать самые отчаянные призывы ны как бы стали мимолетскими стенами нашей современности. Круг споров вопроса: «Иногда же не надо ли?» Дискуссия на эту тему прокатилась не без пылких зарпядств откликнувшись на них и белгородские зарубешники. Их сторон в среде молодежи, было много, что авторы наущивших новостей привлекательны — многие их похвало создали исключительное впечатление. Бурлящий романс значительных угловатой кронштейн. Так, заглянув сам аэтанализ или не обратив внимания на другие стороны этой юности — на ее зметуемость. Наступило новое учебное году, калдар вузовских «иноязычные» стороны, а изобретения молодежи изнутри ее перерождающей

не знаю, прожужу ли себя. Пока хватает, но только бодрит у нас строгий, чуть высказывая не много невольно, значит логично не поуминилиши, Вот и стараемся не высказывать.

— А учиться не трудно?

— Самое трудное прошло. На vrijeme трудно было — сенью потоки объявлялся, пока все не сдано. Конкуро очень высокой был. Ну, да что выдержал — тот тефера уже споров, значит, учиться не особенно трудно *будет*, выхолит — хорошо подготовили. Да у нас здесь, кроме того, еще коммуна и стол обилие, и выносятся сообща. У каждого есть любимый предмет, на который он налетает больше других, ну и растолковывает остальным. А что одному не оспалит — на всем туттов грамем.

— А занимаетесь где?

— В институте и дома. Положение — выписываю еще в публичную библиотеку. Там все пособия, какие только помнят, имеются. Только они да почитываю.

— Как с равнеченими?

— В театры пока не ходим. Получение денег билетов еще не наладили, да нам пока еще не до них. С Москвой выносятся. Пока все осматрив, думаю, не меньше попутно улет...

Старые студенты

Эти держатся свободно, чувствуют себя хозяевами. Некоторые живут в Москве уже по несколько лет и около «юности» новичкам, или, где и что к чему. Говорят о профессорах, называют по имени отчеству и знают имена студентов с их привычками, манерами и странностями. Среди них есть уже и семейные. Эти живут отдельно. У семейных значительно лучше, хотя тоже очень серьезные обстоятельства. Никуда не пойдут.

А есть и палашки. Одно плохо — мешают учиться заниматься. Но, что не так ум странно. Заниматься можно и в комнате у соседей.

Дерби

Очень удивился, услышав здесь разговор о дерби. Спросил: — Неужели же вы на беге ездите?

Отвечают:

— Зачем ездить? У нас свои конюшни есть. Не хуже государственных.

Оказывается, один изобретательный парень придумал такое развлечение: какая-нибудь из команд обещания объявляет конюшню, живущую в лет ступеньки — пошлалым.

Следует комит, когда лошади укладываются спать. Стартер сидит за тем, чтобы все легли одновременно и быкло не заснуло. С этого момента дерби считается начавшимся. Утром в пять часов — финиш. Стартер приходит и открывает «конюшню». Первый проснувшийся к его приходу студент считается выигравшим составив. Затем происходит выезда выигравшей «конюшней» на «обеденный». Выигрывает обычно не превалирует нескольких приключений.

Завыл и к студентам. У этих совсем хорошо.

«Чистота», — что называется, ни млннично.

— Не скучаете?

— Никогда. Мы здесь собрались со всех концов страны. Каким столько интересного рассказывает, что лучше всякой книги. Ведь среди нас здесь и украинцы, и армяне, и украинки, и татары, и грузины и русские. Вся СССР в миниатюре.

— Заниматься, работа, заниматься. Пошли моей кружке, буда — говорит он смеясь. — Завтра опять поиграем. — И все расходится по комнатам.

Новички

Эти только что приехали из провинциального района и не успели еще как следует освоиться с непростой московской ступенькой. Они еще неуверливы, судит несколько нехотя, но крепко. Слегка смозночены нехотя, но выдают явное. В разговор вступают хотело, но больше спрашивают, чем отвечают.

Интересуясь, как об студентах, хвалят ли?

— По своему протичиванию. В деревне вот на эти деньги жить очень тяжело, а здесь

и сидим окрестно «встрече» фанфарной, но увидим впереди таксим, бы вам, если вы нежить входили бы — в аудитории, чиналы, оно-океция... Вот в этот раз после лета закончилась аудитория юности и той же «страницы» том — аудитор и начал от первого до последнего старшего; вот каким внимательным мужено быть, и... Обещание. Подобных студий умышленно принята очередь у вас. Калитке разобран; комания выжила вместе с комания «кураторство» и выжила рабандо украсит стволы темо разговаривать с своим элитистом. Если заболела подруба, нельзя дать ей отпиха. — Иногда случается цей на комитате бойма заниматься, а третьему взорло «задуривать» на мандалю, иногда «братники» при-обдержимо свой коты и забываются: чью бы заговар? Если нужно вуюем можеть и за мажора койти.

В В В В В

(Из воспоминаний об осени—весне 1921—22 г.г.)

Б. ЛУНИН

Поздняя осень 1921 года, зима 1922 года. Москва, которую трудно теперь даже представить. Подобно тому, как, отличая зная о таких в истории временах, когда не было ни железных дорог, ни электричества, ни водопровода, как-то несложно этому верить,—так и теперь из Москвы 1927 года, наряду с былыми качествами Москва тем лет, Москва без магазинов и их слепящих светом витрин, без сплошного потока механической тяги—без трамвая, автомобиля, автобуса, Москва с пугающими на перспективу, с промерзшими и закомочными квартирами. Москва с жителями, вечно закутанными в шапки и шубы и в вечных валенках, без которых московскому обывателю почти мистически казалось, что его ноги мгновенно осклизнут, отмерзши. Москва в которой улицы кажутся наметаться первые точки экономического оживления.

Но мы не знали другой Москвы, мы не знали ее довоенного блеска, мы часами, в казавшем одином духом, открывали ее из-за косяка в конце симпатичным привычным шагом, совершенно не представляя себе, что это же пространство можно было или можно будет в 15—20 минут проехать в поспорившем трамвае, рассматривая свои окрестности в пролетах, мы с радостным удивлением всматривались в рьяные фасады домов, густо помеченные следами пыли, в их раскресивающиеся от пыли же зеркальные стекла.

Эти крапинки, эти бурбазные точки кирпичца, с осени 1917 года прогнавшие сквозь сбитую штакетку, наделили воображение фронтными штурмами и связывали Москву в единую сеть с теми бесконечными летними фронтами, которыми только что была опасана бытовавшая за свое существование республика.

И мы, только-что вырвавшиеся из этого покая фронт, в земляни сучурчано, с притискаванием в ней людям. Москву с таким ощущением, как будто возвращались в тот штаб, по призыву которого выполняли длительные и ответственные боевое поручение.

Но не смущала частичный ослепленный вид боевого города,—пока его застывшее внешность, под его каменным, заскорулым панцирем мы ясно узнавали трепет мощного пульса, и нам казалось, будто столица, а вместе с ней и вся страна облетела какое-то черное облако, из которого вот-вот откроется невиданные очертания новой жизни.

Создаваясь в столкнута, мы знали: кончались фронтные испытания, но далеко еще не закончилась борьба, и, чтобы сменить боевые тревоги на мирную жизнь и шинель на куртку, мы непременно оставались солдатами какой-то борющейся армии. Мы перестраивались, мы меняли оружие, но мы не демобилизовались. Проклятая первая гигантская волна революции, но за нее всплывают десятки других.

Симпатии и ненависть

В те годы при встрече и знакомстве, подобно тому, как теперь мы освободились о работе, о доме, о семье товарища, прежде всего расправлялись друг друга: об армии, о движении, о полках. Это был самый бойовой и в то же время самый оживленный разговор.

Польша, Кубань, Приуральские степи, армия Жибоба—несколько кратких названий, несколько важных вопросов, и вот вам уже имеется с товарищем общее впечатление и общий знакомый, и ваше знакомство отнюдь не какин-то, можно сказать, кровным улом.

В нашей молодости, в наших самых значительных в жизни годах заложен единый опыт, от которого вас ничто не сможет заставить отвлечь и который сделал общими ваши симпатии и ненависть. И оттого вы понимаете друга на полуслове и оттого вы имеете как будто общую жизнь, общими и богатые чужие в осязке людей, полонений, вещей. Вы чувствуете в себе право настаивать на своем, и это чувство является от личного капризного хулу, в нем скорее скандальное, чем индивидуальное, связанное с огромным, проснувшимся к жизни мучительством.

Это—упорство и непоколебимость, которыми вас навлекать позволяло то стремительное, не знающее преград движение, которое представляло собой военные годы революции и которые особенно связывались, как только вам встречалась чужая, сопереживающаяся среда.

И, как это ни странно теперь слышать, для меня и моих товарищей в первый же год после лет, обо-

значенных гражданской войной, такую чужую и даже враждебную среду, как только вы встретились на тех самых вузах, которые теперь гостеприимно открывают двери перед тысячами трудящейся молодежи. Тогда же это не был еще вуз в привычном нам смысле этого слова, это не был даже сохранявший «МФУ» и, полностью выходящий за рамки определяющих его словами: «Московский Государственный Университет» с едва очерченной между ними словом «инвентаризации».

Вот почему в учебном кабине, скорее только зарезанной, он оставался почти нетронутый внутри, почти не изменившийся за годы революции.

В нем, как влился поток крови в артерии окрепшего организма, помпало свои дни оборонившиеся от всех потрясений студентство; в его коридоры и аудитории его не хлынули своим потоком новые студенческие массы, пол напором которых он начал бы жить новым смыслом и темпом.

Университет стоял огромной машиной, глухой к доносившимся извне шумам, попадая в которую каждый из нас чувствовал себя сдвинутым, сгибавшим кулаком в сторону. И нужно было вытравиться, напрячься и повернуть весь этот трудно поворачиваемый, заржавленный механизм.

Первые дни

Помню... Морозным декабрьским вечером и впервые прошел горной поднимавшийся университетской двор, поднялся на каменные ступени и... переступил порог аута.

На мне был тогда черный сачинный полушубок и лохматая черная же папача.

Белые пустынные коридоры и высокие массивные двери, выходящие в аудитории. Я попал в лекционный класс, потому, не рискуя войти в какую-нибудь дверь и не зная, в какую именно, я долго вчитывался в объявления, программы и расписания. Длинный перечень предметов, и как-то непонятно ориентированный, которому многое непонятно и из которого трудно сразу выбрать нужное.

Вот он университет—вот как он выглядит и в какой таблице отвечает на ту задачу, утопить которую мы пришли в этот университет, и которая была неопределенно, но разве наука имеет какое-либо сопереживание с революцией? Разве могут повториться какой-либо перепалке научные исследования?

Иногда прозвенел звонок, превращавший мить моих размышлений, когда распахивались двери выброшенные говорившие группы молодых людей, мне помнилось, что меня застали врасплох, что возникшие вокруг шум и движение как бы своим ослепляющим светом выхватили меня из-под прикрытия и странной смехливой фигурой поставили в поле зрения всех этих незнакомых мне людей. Несложно минут секундного ослепления—и вот мой взгляд улавливает привлекающего его своего уравновешенного человека, робовато приставшего у одной из дверей. Подождав, завязав разговор. Мои собеседник признается в таком же своем состоянии. Становится легче. Нас—одно. Это уже не мало.

Но мы все еще чувствуем себя диакими, попавшими к белым, мимо нас продолжает двигаться отдельный от нас мир, сросшийся с протяжением этих коридоров, с кубатурой этих аудиторий.

Тот же вечер и в два-три следующих мы без разбору, без всякой системы бродим из аудитории в аудиторию, создавая личную в самом неопределенном порядке: тут и статистика, и литература, и логика, и товарищество.

Но вот мы перестаем быть беспризорными подоплывами и прикрываемся к своим аудиториям. Поле наших наблюдений сумасшедшего нам начинаем приглядываться к окружающим, запоминать лица, учиться различать их между собой.

Казалось, чего прост, можно было пообщать еще два-три часа, и в узком кругу предать прилежному вниманию наукам.

Но все в окружающую заставляло протиснуться как-то равновесию чувству. В часам каждого дня становилось ясно, что нас окутало глубоко-тихо, молчаливо, сыны и дочки старожережника квалифицированной интеллигентности, которыми всем своим существованием ненавидя революцию, прикрывались академической замкнутостью. И они верждат всю остальную аполитичную, безвольную, сырой массой младшего

студентства, как-то даже новое не выходящее в самый фазе революции.

Новая среда была положена на всем твоих симпатий и ненависти.

В борьбе с Февралем

В первый момент трудно было представить, какою динамично практично заполнится простотой факт нашего появления в вузе. «Мы пришли учиться, а не бороться», говорили, но для времени, мною описываемого, это неизбежно означало: «Мы пришли проложить революцию, мы пришли сказать так, чтобы можно было учиться». И такая динамичность нашего «хочу» неизбежно должна была притти открытое столкновение не только со всем тем статическим, неприкосновенным, что накопилось в традициях старого университета, но и с тем, что добавочно мобилизовал его, предуготовляя наступление по всем его фронтам.

В то время, как революция уже успела победоносно завершить огромный и решающий период своего развития, в университете не только жил, но и, можно сказать, процветал «Февраль». И наш приход совпал с наступлением открытой классово борьбы в стенах университета, совпал с тем, что можно было бы назвать вузовским Октябрем.

Где-то в глубине университетской системы, в которой мы еще плохо разобрались, уже существовал какой-то центр, который подготовлял ее завоевание. Этот аппарат еще не успел на утверждение отношений, он еще не оброс исполняющими наказы, он еще не вытеснил свои цульцы к массам. Но его работа, его поиски были контактировались со стихийно возникающим стремлением организаторов, которое испытывали на себе, вхола в сопереживание с молчаливой, со скрытой организованностью чужой нам части профессуры и студентства.

И поэтому в ответ на их систему аудиальных переговоров, в ответ на работу их «тайных кабинетов», «темных кабинетов», «квартирных собеседников» эти их с профессурой и в создании клиентской панели среди широких масс,—мы довольно скоро смогли выступить с созданием открытых студенческих общественных организаций.

Как всякая революция, революция в вузе должна была найти опору в массах, должна была завоевать эти массы и уже в творческом напоре их завершить свое движение.

В аккупации протигорических котел вузовской жизни, в его думчивую и аступую пучину были брошены эти только-что рожившие организации, сами раздиравшие противоречиями, еще налитные враждебностью внутри себя. Но с первых же дней их—вначале еще той тайной и доимой—костик выжили в водоворот страстей, мнений, отношений, раскаянная беспорядочное движение его волн. Трудно восстановить последовательность вызванного дальнейшего движения, как отделились его моменты оставили неопределенное впечатление.

Женщина, заслепая от злобы

Мало ли была фамилия, имя, имя. Но если и теперь забудут меня одного в тот момент, когда мне может быть сниться смертельное падение в беду и я в это мгновение не успеваю встать и не только назову ее фамилию, но и опишу всю ее внешность.

Караулевый, слегка поношенный шаг, возбужденно мигающий взгляд темных, несколько раскосых глаз—сделавшаяся густой и жесткой наша голода. Это—Л., студентка Л., которая навсегда олимпиавила для меня ту молодежь, которой осиним гневом ушла в поперунышки лютиную за голы грамманской войны стенах вуза.

Л.—это одна из той идеальной верхушки, которую оказалось в состоянии выдвинуть из себя старшее студентство. Она мечется по коридорам и аудиториям, она воодушевлена своей ролью и это придает ей внешность воинственной лавы.

В разговоре с профессором она как бы говорит: «Вот видите, это—я, все та же Л., несмотря на то, что...»; в коллегативных беседах с дружественными или «коллегими» она как бы торжественно шепчет: «Поздравьте, это мы, а там кто, они. Моему имени—никого». И, встретившись с друзьями с нами—в ее терминологии ее этимы—она предло-

читает молчать, загадочно кричат улыбой и... эдакмет от злости.

— Ваше мнение, тов. Л., об этом учебном годе? Не правда ли, чувствуется приближение переломной—университет занимает новую жизнь? Подчистится студенчество. Нужно смеяться быть с профессурой, она должна приобщаться к возникающим у студентов запросам. Сейчас такое время, когда больше, чем когда-нибудь, студентству и профессуре нужно договориться. Необходимо ликвидировать глухую неведомость и взаимное непонимание друг друга. Вы-старшие—должны первыми пойти на все это—так я понимаю—и забрасывать ее вперед этим народом «крытых» вопросов, чтобы заставить ее высказаться.

И с каждым моим словом я ощущаю, как поверх оспорившегося в искусственной улыбке ее лица, в ее взгляде затвердевает злость. Мне кажется, что в ее зрачках вырываются две выжженные слезы, ошарашившие свою эллектрическую притоскованную шерсть и приболевшие к прыжку.

И когда она отвечает, торопясь, чуть подбрыгивая слоноу, я, наблюдая всю ее напряженную в презрении и нежности ко мне фигуру, думаю: вероятно братья таких вот женщин свалились в море, за рубеж и чорт их знает еще куда, после всех «переломов», аявтых нашими армиями ценою тысячи жизней. И от того, раставившись с Л., я слышу как бы возникающий внутри меня дробный ритм, ритм шагов, дающих мне право думать все, чтобы только скорее исцелить эти мрачные герои допотопической эпохи.

Мятеж

Переполненная аудитория гудит сотнями голосов. Лишь редкостные, но все же те же студенческие лица. На полу между кафедрами и скамьями, аудиториум уходящими вверх, —немногочисленные группы. По их местам, по их ступенчатости заметно, что они распорядительны вывели себя из всей остальной массы. Это—самочинные вожаки, заправляй. Я и Дмитрий—двое чужих среди окружающих нас молодых лиц. Мы чувствуем, что нас атакуют взглядами, мы чувствуем, что против нас предубеждены, что аудитория как бы начинала пороком, готовым взорваться при малейшем нашем прикосновении. Мы бросаем себя фактукторному исполнорю для прорыва чрезвычайного собрания. Перед нами то, что можно было бы назвать «кулаками воцарились», если допустить название борьбы внутри вуза с гражданской войной.

Это одно из ступенчатых факультетов, распределяя свои только что создавшиеся выборные организации, расколовшие их на империрические лагеря и пошедшие за кучкой самочинных вождей. Мы знаем, что перед нами масса, возбужденная и обманутая демагогической клеветой ее вожаков, и наша задача во то бы то и стало вырвать ее из-под их влияния и поганить возбудителей.

Наступает минута, и Дмитрий, подвигавшись на кафедру, сильным, металлическим звуком голосом объявляет об открытии собрания. На нем делается первый откровеннейший шаг: объявляет присутствующих, чтобы открыть путь докладчику...

По тому хладнокровию, под которым выстуает воспитанная воля, по тому остроному и самокритичному смелому такту, с каким выступил Дмитрий, было сразу заметно, что он в совершенстве владеет искусством воздействия на массы.

Между нами и выходящею замесным собранием натягиваются напряженные, готовые каждое мгновение порваться нити, и он осторожно и крепко скрепляет их. Его ослепают взглядом реплик, но он бы не слышал их, выходящие выкрикивают короткие сичи, бросаемые ими в аудиторию как познательные ракеты, и, слыша в ответ обидительный гул, они делают выпад, остро заданные Дмитрий, но он ловит другую минуточку и ловкой режечей выводит быт противника его же оружием.

В лаборатории

Он посылает своей энергичностью, он вносит в массу равнодушие и сомнение, он колбует ее едкое острое остережение, и тогда он или ослабит нити, рискованно сплетенные и как бы спланированные с противником, или же натянется их до предельной остроты, уже властно гроша оборвать их и этим бросить собрание в причину анархического разгута страстей.

И подуть только, что все это накаленное раздражение было вызвано кучкой доминающих лиц, типичнейшей поход в тип врагу на Кубани и вышедший порыв мисса далеким Сибирью.

И теперь, вопреки стигмату, эффеунту фигуру краснознамца Дмитрия, оруженного колыцком стоготых ладий, того самого Дмитрия Фурманова, который безвремено вырван смертью из наших рядов, я представляю себе, какое удивленное возмущение должен был переживать он, глядя на их безразличие и злое сопротивление. Он, который в то время только что вернулся с ударнейших участков фронта, он, не раз гледевший в глаза смерти, черными жемчжиными очками ухвач в рискованнейшей поход в тип врагу на Кубани и вышедший порыв мисса далеким Сибирью.

Романтическая весна

Незаметно наступила весна. Уже миновали туманы, с evening света, и вечерами город как бы налит воздухом, попросторился его уличью и площадью.

После лекционных часов, проведенных в закупоренных еш аудиториях, где терется всякое представление о временных годах,—на улице тепло и неожиданно покрывает какое-то ослепительное переживание простора и бодрости. Лабиринт города и привычная тропка твоего пути домой затеивают тебе.

В один из таких часов вечернего возвращаения с занятий я как-то мгновенно и впервые осознал всю ту перемену, которую незаметно произошла во мне самом в результате всех тех впечатлений и переживаний, которые принес этот первый, близившийся к концу, год студенчества.

Окончавшись в университетскую жизнь, резко отличную от того, предшествовавшего ей в нашем опыте, и со всем энтузиазмом отдавшись ей, мы сами подверглись ее неизбежному воздействию на нас. И вот я шагаю, погруженный в размышления, из которых какое-то сплетено с нами-нибула (а их тысячи) миноритариями к вопросу этой жизни.

А в а в а в это время, кроме общего закатающейся весенней страды, когда в торопливом темпе заканчиваются курсы, и студенты горячатся, как племны перед конной атакой,—первое читались «ирективные», как их кто-то окрестил, лекции. Это было одним из первых завесовый студенчества, сросшегося с революцией и прихватившего с собой в университетские стены своего воздуха. К этому моменту несколько пригизит потеряние не одно поражение белопоклональных, и часть профессуры приняла правоту настоятельных требований молодого студенчества.

И вот на очередь дня стал возгудит: «Договориться... обменяться мнениями, как-то заполнить пустоту, образовавшуюся между лекторами и внимающими им аудиториями. Ирективные лекции были признаны воплотить это задание. На них, можно быть впервые в истории университета, профессор выступил с кафедры не как не допускающий возражений жрец, а как докладчик, вносящий на оборудование свою научную систему».

В два раза в неделю заполнялась одна из крупнейших университетских аудиторий. На лицах обшаркиком заметно эволюционное переживание необычной обстановки. Профессор, выступавший сегодня, прохаживается в ожидании минуты, когда ему будет предоставлено слово.

Докладчик дано слово. Аудитория замирает в слухе,—ведь она признала как бы на экизме, которому подвергнется обычно экзаменуемый, и этот экизм задержит в какой-то фантастической зачетной книжке, которую явится коллективное переживание сотен внимающих «учеников».

Лекция кончилась. Перерыв. Озвонившее, о мести в карьер разгоравшиеся разговоры в коридорах. Профессор, вставшая киванием, окружен; профессор, не нашедший в себе слов, которые показались бы близкими аудитории,—оним. Едва доуверны пилоросы (в то время чаше самозащиты), и снова заговаривался и захлудла аудитория. Теперь очередь за слушающими, теперь должны заговорить они. Срывается со скамьи первый решившийся, и вот уже оглашена его фамилия, и сам он, приставляя и колесные кафедры, встречает с остными атакующих его взглядов, гипнотизируется тоном их направленной осознанности и начинает свою пыльную импровизацию. Волнение давит его дыхание, аудитория плывет перед ним туманными кругами.

За перерывом, второй, третий, десятый. Говорят горячо, говорят от всего сердца.

Смелостью и не только возрастной, но и социальными возможностями дышат их несовершенные речи. И чудными, судими и неуными кажутся в этом потоке речи, пронизанные холодовитым тоном ислучившихся фаворитов старшестудентских.

Уже поздний час, когда мы расхожимся: пустыни и гулки коридоры, давно темны и убраны остальные аудитории. И Москва вместе с потаженными фонарями уже приглушила свои шумы. Первый год наших вузовских испытаний подошел к концу.

З А Ч Е Т

РАССКАЗ АНТОНА ЛЕПОВА

Студент Полигитов шел смеяться вчет на истории Запада XIX века. Принимая зачет какой-то профессор Петров, которого Полигитов никогда и в глаза не видел. Лекция Полигитова вообще не пошла, да и читал-то лекцию не Петров, а Мемуаров.

Войдя в дверь родного ауза, Полигитов услышал некоторых шумно, собственное во всем военном перед сравнением и студентам перед зачетом. Полигитов направился к 17-й аудитории, где должна был принимать профессор. Но на дверях аудитории висело объявление, что профессор будет принимать в физической аудитории.

— Принимаешь?—осведомился Полигитов

По дороге Полигитов выяснил, что физическую аудиторию написали по ошибке, предполагая не химическая лаборатория.

В обязанности же профессор принимал в анатомиче, куда в конюшню Полигитов и пошел.

Возле двери комнаты, в которой принимал профессор, толпились студенты и студентки.

— Принимаешь?—осведомился Полигитов у студентки с значком «КИМ» на груди.

Ох, принимает!—важно сказала комсомолю и зашептала листами книги.

Студенты да в особенности студентки, нервно шатали из угла в угол, по-доброму не знали и вообще всячески волновались. Полигитов спросил:

— Проваливает?

Нормально готово с готовностью ответили:

— Режет!

Студент, совершенно спокойно сидевший на поверхности и читавший «Вечернюю Москву», оторвался от газеты и сказал:

— Чувствую, ребята! Чего волнуетесь? Вот я только-что был у Семенова—провалился, пришел сюда. Провалился здесь—пойду к Мемуарову. В конюшню-конюшню где-нибудь, у кого-нибудь спам.

Счастливая—с наивностью сказала красивая блондинка. И как вы это можете? А вот я, если провалился, шелый день после этого в постели лежу.

Неудержимости, слабых характерности, отсутствие четкой линии, —наивательно сказала студент и углубилась в газету.

В это время дверь выпустила распернутой жертву и потопила колыхавшуюся комсомолку. Жертву обступили:

— Ну как?

— Что спрашивал?

— Чего нас так волно дергали? Жертва в виде усатого студента, отмахнулся и сказал:

— Спрашивал про устройство дочерней пещи...

— Позвольте, при чем тут пещь?

— Говорит, целая эпоха в промышленном развитии...

— А вы что?

— Ну, я, конечно, на полчаса забыл Слово Богу, пять лет как чудуно-плавающим народом. Рассказал на это...

— Так вы нам тоже расскажите!

— Не перебивайте. Васильте дальше!

— Ладно, рассказка... А потом спросил насчет политики Гамбетты. Тут я сел. Поиню, что то насчет воздушного шара, а политику все на голову вышибло. Само собой, приглади притти в следующий раз...

— А вы примите приглашение,— сказал студент, читавший «Вечернюю Москву».

— Не заставляйте себя упрашивать. Или давайте спонсия к Мемуарову пойти.

Товарищи, заволпил воробьяный студент, кто что знает о Бисмарке? Когда он царствовал?

— Тета, омонитесь! Бисмарк никогда не царствовал, царств ево не было, вы его спутали о царя Горохова...

— Товарищ, я вам рассказка про Бисмарка,— вымалывала сердобольная студентка.

В углу шла взаимное истязание:

— Ты говоришь, что Гарibaldi в 1859 г.?

— Это не я говорю, а Виннер!

— Хорошо, что он делал в 1859 г.?

— Гарibaldi? Бился, с австрийцами.

— А почему он попарился?

— Потому! Тело чужое не зачет сплавля, а в школу! Студен посылать.

— Ребята, а кто знает о Меттернихе?

— Это который из Гизов?

— Как это из Гизов?

— В «Коммунистическом Манифесте так написано—Меттерних и Гизо».

— Тогда уж прямо говори «папа и царь, Меттерних и Гизо».

— Слушайте, а что они делали?

— Кто?

— Эти... папа и царь и Меттерних...

— Братцы, спасите! Только что зурфин дату—1878 год. 1878 заурфин, а что произошло забыл. Кто знает?

Дверь выпустила ошавших и потрошала чашек студента. Счастие было именовано. Комсомолка села зачет. Вслед за ней вошел длинноносый студент. Судя по его носу нельзя было сказать, что он слант зачет.

Так и случилось, он провалился. Красный фразатовый студент сказал. Читавший «Вечернюю Москву» провалился.

Пришла очередь Полигитова. Он вошел и столбенел.

Перед ним сидел Митя Петров, старый школьный товарищ, друг детства и отчужства.

Профессор поднял голову, рассеянно посмотрел на Полигитова и аргумент преобразился:

— Вольфганг?

— Да, да, да, да, что ты целоваться лезешь, ведь эти черты в скажину подметать.

— Нет черта не видно. Я уже смотрел.

Полигитов в изумленном отчаянии развел руками:

— А-я-я! Господи про-фес-ор! А поминишь, как мы яблоки вместе на базаре кричали?

— Тыше, дурыли! Они там да davvero все слышат. Поиню, конечно. Я ловя тебя был.

Литро профессор засветилось восполнениями:

— А однажды я даже аргумент целый свистнул. А то, поминишь, я Шпенюму нашего географа, с немой буланкой спели: ва фрик и ва кобу. Вот смежу было! Ну, что ты, Владимир, подымаешься?

— Да вот, как видишь, граву гранит. Равные учительствовал. Потом клубом завещал... А ты, чорт тебя дерни, в профессора вышло? Вот анемат! Заставиле трепать бедные сердца студеново! Гроза звуковских народов... Как же это тебе угораздило?

Профессор вежливо:

— Дело обычное. Кончил университет, научной работой занялся. Ты что, мена?

— Да как сказать? Женат не женат,—окутывающий аргумент. А ты?

— Анемат же явучу. Старость, брак. А хомета как-то перебрал.

Да где там! для комсомолка побегает омонитесь.

— Это, Митя, верно. Да ты никак уже оделеш! Разрешил, господи профессор, и вашим сединам прикоснуться. Светлое восминание на все время. Ну, а академиком скоро будешь?

— Брось дурака валить. И так осточертело стаками остолопию, как ты, ковать. Ов, и тугоголовый не вы, братцы, народ!

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

В это время дверь скрикнула, в комнату пронесулась и тотчас же исчезла головая немке.

Полигитов торжественно поднял ладонь к потопу и проинес:

— Профессор, сам профессор! Стенные у меня связи в научном мире. Чорт возьми, а я стою, как идиот, с этими пелбями у дверей. Да, ведь, у меня Митяшка Петров в профессорах ходит... Разрешилте от полноты чувства побить вашу академическую лапу...

— Ну, а теперь рассказайте... рассказки мне про революцию 1830 г.

Полигитов сделал круглые глаза и подвисел со стула:

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Ну да, у тебя.

— Ты у меня спрашиваешь про революцию 1830 года?

— Про революцию... что же тут удивительного, ты, ведь, пришел зачет.

Полигитов хлопнул себя по бедрам:

— Ступай, Митя, но ведь это напалство! К тебе приходит старый приятель, а ты ему заплещь вопрос о революции 1830 г. Но ведь это безобразие!

Профессор растерялся:

— Я тебя не помню. Конечно, ты старый приятель, но ведь, ты пришел сдавать зачет...

Полигитов умысливо возмужил и потупчал указательным пальцем по столу:

— Вот оно, вот это нас губит. Вот где бюрократизм!

— Как знаешь,—сказал профессор,—можешь не сдавать зачета, а и так рад тебе видеть... Только, Володя, не залеривай меня, там, ведь, студенты ждут.

Полигитов обтегично возмужил:

— Ну, само собой разумеется. Так значат до вечера!

Он помчал профессору руку, но влугор о чем-то вспомнил и пошел в боковой карман пиджака.

— Да, вот забыл. Книжечка у меня тут зачетная. Гашисьешь уг заодно.

Профессор изумленно посмотрел на Полигитова:

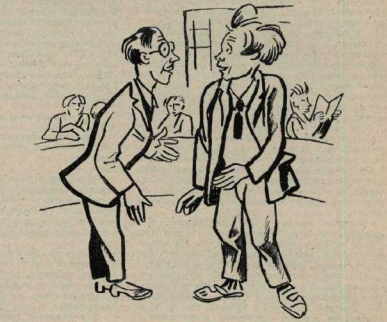
— Как же так, ведь, ты зачет не сдавал?

Полигитов рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Ну, какие пустяки, кто считаете.

Профессор развел руками:

— Володя, но это неумоимо...

— Это ты у меня спрашиваешь?

Профессор забеспокоился и громко обратился к Полигитову:

— Так вы говорите, что реферны Гладстопа... слушая, Володя, приходи сегодня ко мне! Поинюеман вместе, глянем чего-нибудь. Вот адрес.

Профессор написал на бумажке адрес и протянул Полигитову.

Полигитов рассердился:

— Митя, да что это ты на самом деле! Подмахни и всех делов! Яря толпо студентов залериваешься...

Профессор возмужил, покачал головой и подлисал:

— Ну, вот и все,—сказал Полигитов,—значит до вечера... Всего!

Очерк Л. БАРХАША

— Где вы собираетесь отдохнуть летом?

— На вершине Эльбруса!

Справившись поймав ответ, как шутку. Действительно ли мы, пятеро московских туристов решили, что лучшим местом отдыха является вершина высочайшей горы Европы? Конечно, нет. Предстояло отправиться в довольно серьезную экспедицию. Не задавая особыми планами, желая ознакомиться с высочайшими вершинами, природой и жизнью Кавказа, мы понимали, что восхождение на вершину Эльбруса не является непосильным, но это и не рядовое дело, требует особой подготовки и специального снаряжения.

Трудно найти в Москве специальное снаряжение. Как-то удалось получить из-за границы, кое-что заказать здесь.

У нас были хорошие непромокаемые ветреные мешки на широких лямках. Папки со стальными вставочными. Два альпурба, необходимые для взвешивания ступенек на крутых ледяных склонах. Прочная и удобная обувь с жесткими подметками была добыта шпанами. Две палатки из непромокаемой материи дублили возможность оставаться на ночлег по выбору, иметь приют в непогоду. Каждый имел пару металлических посуды с паннами, — так называемые кошки для закипания на крутом склоне. Кроме того, мы имели по перстному свистку и гетры. Бурки — незаменимые одеяла в горах, защипанные и от холода и от дождя, мы купили уже на Кавказе, так же как и балкарские широкие меховые плащи для защиты от солнечных лучей, в то же время теплые и непромокаемые.

В отношении продовольствия мы себя ограничились насколько возможно. Лишний вес ложился тяжелым бременем. Каждый участник экспедиции имел килограмм сахара, столько же пшеничных сухарей, 500 грамм риса и сушеных фруктов, по две банки мясных консервов, 500 грамм сала, немного соли, чай; из медяментов бинты, марля, нит, клеюмин и марганцево-кислый калий.

Вобщем у каждого оказалось пона весам около 14¹/₂ пудов.

Маршрут наш был самым типичным образом разработан в Москве. Мы добрались до железной дороге до Кисловодска, оттуда выехали на Верхней Кабарде к реке Малге, переходили через перевал Киртыг-Аун и по реке Киртыгу добрались до поселка Верхний Балкан. Оттуда уже начинался подъем на Эльбрус. После восхождения на вершину мы проделали пройду отсюда Балкары, через интереснейшие долины и ущелья рек Черема, Урвана, Черема, и поднялись на высочайший ледник Европы — Везени, имеющий около 18 километров в длину.

В 30 верстах от Кисловодска в ауле Хусуат мы решили купить оса для перевозки снаряжения. Активное участие в покупке приняла сельсовет. Долго осматривали мы местных животных, долго торговались. Владелец уверяет, что его шнак — прямо лодыжка и что за него даст сто руб-

лей недорого. Мы тщательно проверили беговые свойства ослы. Садясь верхом, заставляли ходить, бегать, чуть ли не прыгать.

Наконец, за 60 рублей купили крепкого, большого шнака, навьючили на него часть вещей и отправились в путь.

Шли мы гуськом. Возглавляли шестые ослы, за ним мы пятеро.

Нам предстояло выйти к реке Малге. Поднявшись от долины реки Хусуат вверх, к альпийским пастбищам, мы пошли по гребню, то поднимались с небольших вершин в седловинах, то поднимались опять наверх. Потода была неблагоприятная. Ежедневно шли дожди, т.е. ежедневно нас окутывала облака на несколько часов, при чем поднимало нас не только сверху, но и с боков.

Неприятное это ощущение: быть мокрым в непогоду. Негде развести костер; одежда, обувь, — все насквозь мокрое. Зато выручали нас ветреные мешки и палатки. Расстелив ее и достав на действительно непромокаемых меховых ступе, мы могли сидеть, не трюса от холода, и чувствовали себя очень достаточно комфортно.

На местных пастбищах паслись стада коров и овец не только «хозяев-кабардинцев, но и карачевцев и балкарцев. Несколько раз попадались нам и козские табуны. Однажды, увидели табун приблизительно годов в 300 очень хороших лошадей.

Людей здесь мы встречали очень немного. Лишь наступил живот по так называемым коулам, в палатках или просто под опрокинутыми арбами.

В ковах можно найти всегда айран — нечто в роде кефира, приготовленный из коровьего молока на закваске, иногда кукуртэные лепешки, реке масло и баранину. Айран — это очень приятный напиток. Он великолепно утоляет жажду, поднимает силы и обладает питательными свойствами. Нередко приходилось, выпив утром жбан (стакан) на 5—6) айрана, ничего не есть до вечера, и всетаки остро ощущения голода не чувствовалось, и сохранялись силы.

Вода по шю, — а утонуть легко

Первоначально мы хотели по реке Муште спуститься к Малге и потом подняться по долине последней вверх.

На третий день пути пришлось убедиться, что дорога вдоль Мушты непроходима. Уделье сузилось больше и больше; приходилось кое-где уже карабкаться, что представляло большие трудности для нас, так как туловище было неподвижным и шнака, обремененному грузом.

Уз двадцать мы перешли Мушту в брод; последние переходы делались быстрее и более труднительными: река становилась шире, глубже и гребня была с ног перенаравлявшихся.

В одном месте узость ущелья вынудила нас спуститься в реку и пойти водой, вдоль берега. То, что вынуждало показаться нам малым местом, было просто насильно из камней, принесенных

водой. Неожиданно шнак и я за ним оказались на глубоком месте в бунующей реке. Устоять на ногах было немалым. Несколько помогло мне то, что за спиной было больше пуда груза. Тяжесть помогала сохранить равновесие. Оса потонула в воду и начал тонуть. Нащупав вправо более медкое место, я приблизился к ослу, схватил за веревку, обхватывавшую его шею, и вытащил из воды. Груза оказалось немного, и я был мокрым с головы до ног. Струдом выбрались мы на правый берег реки.

Ясно было, что продолжать путь здесь было немалым. Немного отдохнув, мы повернули назад, свернули в первое встретившееся ущелье и начали полем вверх, на гребень.

Около 15 верст пришлось сделать по хребту. Затем последовал спуск вниз. Заночевали мы у первой встретившейся груши дерева (где можно было выпить топлива для костра). Предстоял переход через реку Харбе, впадающую в Малгу, и затем полем вверх опять на гребень дороги.

Оказалось, что после дождей река разлилась, стала полноводной, и что течение настолько быстро, что переправа чрезвычайно затруднительна. Удалось переправиться лишь при помощи двух кабардинцев, хвавших к себе в коши. Они предостерегали нас дождями и по одному переходили и перенесли вещи. Оса переправилась на веревке за доплату. Сзади ехал всадник и подгонял шнака длинной палкой. На середине реки животное стало захлебываться, но все же было вытнуто веревкой на берег.

После переправы мы сравнительно благополучно добрались до реки Малги.

Через бунующую реку был проложен мост. В разных местах недалеко были видны водопады. Особое внимание нас привлек водопад, с шумом выбрасывавший из отверстия в скале. Выше протекала река, которая в шести верстах отсюда уходила в скалы и здесь вырабатывала энергию.

Мы плаваем в... нарзане

На том берегу мы нашли несколько нарзанных источников. Особенно хорош был один водопад. В разных образовалось нечто в роде бассейна с пестрым дном. Вода здесь буквально кипела, — настолько сильно был нарзан. Температура воды была выше 20 градусов. С большим удовольствием мы выкупались в этом бассейне.

У этих нарзанных источников было в роде туземного курорта. Лоуды работали болами, потому что место было безлюдным, вода мы пришли. Здесь оказался большой пещера, в которой удалось довольно удобно устроиться на ночлег.

На следующий день мы без большого труда поднялись на перевал Киртыг-Аун. После этого долиной реки Киртыга, через очень красивые ущелья мы вышли в селение Верхний Балкан. В этом большом ауле мы привели в порядок снаряжение, подкрепились и отправились уже к новой цели нашего путешествия — горе Эльбрус.

Восхождение на Эльбрус лишено тех трудностей, которые выпадают на долю альпинистов, поднимающихся на другие вершины Кавказа: Тетугулы, Ужбу, Каштантуй и др. Здесь не приходится карабкаться, рискуя на каждом шагу жизнью. Трудности Эльбруса заключаются в другом, прежде всего в его высоте. Трудно двигаться на высоте выше 5.000 метров, разреженный воздух вызывает недостаточное дыхание. Страшные ветры и метели на Эльбрусе. Очень часто ветер раздувается здесь так, что обивает с ног человека. Метель может истощить силы альпиниста, похоронит его под пушистой пеленой снега.

С момента выхода нашего из Кисловодска, каждый раз когда на горизонте очисались от облаков вершины Эльбруса, мы внимательно осматривали, не видно ли там признаков метели, сильных ветров. О ветрах говорил, так называемый, «Азат» — снежная вихревая дымка на вершине. Но ведь погода может перемениться.

На вершину Эльбруса можно подняться со всех сторон. Рашина только в трудностях восхождения. По указаниям бывшего с нами опытного альпиниста В. Л. Семеновского, предпринявшего уже раньше попытку восхождения на вершину, мы направилась с юго-восточной стороны, через ледника Азат.

Первый день подъема почти незаметен. 26 верст приходится идти вдоль реки Баксан, до подножья так называемого кругозора у ледника Азат. Кругозором называется выступ на Эльбрусе, откуда открывается хороший вид на главный Кавказский хребет.

Взав ветрущий подъем на кругозор, на второй день пути от В. Баксана, мы поехали уже по соседству с ледником. На третий день пути мы вступили на ледник. Подъем здесь был довольно сложен. Приходилось медленно двигаться из-за большого количества трещин в леднике. Одна из нас шла вперед и тщательно брала свет палкой. Если под светом оказывалась скрытая трещина, мы поворачивали в сторону и отыскивали более безопасный путь. Остерегаться приходилось, т. е. падение в трещину в лучшем случае грозило увечьями.

Вышла утром довольно тихая погода начала портиться, поднялся сильный ветер, температура резко упала и начала размягчаться метель. Насколько

довольно быстро подошли к скалам, подынялись с ледника на фирновое поле.

Приют, но без больших удобств

Эти скалы представляли собой, так называемый, Приют Одинадцати. Когда-то одиннадцатый альпинистов, пытавшихся взойти на вершину Эльбруса, ночевали здесь, дав название приюту. Нельзя сказать, чтобы этот приют обладал большими удобствами. На снежном почти ледяном склоне торчали черные скалы. Трудно было найти место, совершенно защищенное от ветра. Мы довольно быстро раскинули палатку, вакуумки бурки и, улетевшие влетером, почувствовали себя на краю блаженства.

В палатке пришлось прождать около двух суток. Все время дул сильный ветер, продолжалась метель и стояла довольно низкая температура.

На вторую ночь ветер еще продолжал дуть, но начало как-будто проясняться. Мы с третьим ожидали, установится ли окончательно ясная погода или снова начнется метель.

В самом деле, продукты у нас уже кончались, воды здесь не было. Ясно, что оставаться здесь еще на один-два дня — значило идти на вершину весьма ослабленными, т. е. почти без шансов на успех.

Как мы лезли на вершину

К полночи стало ясно, буря утихла. Около часу ночи мы встали, подготовившись для восхождения и после легкого завтрака тронулись в путь.

Под рубашками у нас были шерстяные свитеры, на руках перчатки, ноги были обуты в геттеры носки, ботинки были хорошо промазаны. Насколько важно было внимание к ногам показали пример двух наших товарищей, отмоороженных себе ноги и не поднявшихся поэтому на вершину.

Для предохранения глаз мы все были в очках с темными стеклами. Свет здесь настолько яркий,

что во время восхождения и совершенно не замечал, что смотрю сквозь затемненные стекла.

Медленно поднимались мы по склону. Высокие солнце освещало до вершины Эльбруса, казавшиеся совсем близкими. Везде, куда ни смотрел глаз, была сверкающая белизна. Хотя двое суток продолжалась метель, эти приходилось больше частью по твердому ледяному насту; сильный ветер здесь почти сметает снег.

Чем выше поднимались мы, тем труднее было дышать. Один за другим выдохнул, ушли вниз два товарища. Дальнейший подъем продолжали мы втроем. Шли без колебаний, но продолжительного отдыха, но каждые 50, выше 30, а потом и через каждые 10 шагов делали остановку на 30 секунд — 1 минуту.

Подъем был труден. Только на десятый час пути удалось достигнуть цели.

В порывистом ясном воздухе вершина дрожала нас. Казалось, что остается совсем немного. Отново, проходил час за часом, а подниматься оставалось почти столько же.

В 2 часа дня мы были наверху.

Восточная вершина Эльбруса находится на высоте 5.593 метра.

Когда-то отгнивавший вулкан, теперь застывший конус, состоит если можно так выразиться из трех вершечек. Эти вершечки довольно пологие и соединяются котловиной с третьей, состоящей из высывающихся острыми концами скал, скаванных обледенелым снегом.

К нашему удивлению на самой вершине было теплее, чем на склоне. На последнем температура (на солнце) была — 8°, на вершине + 4° и в котловине даже + 8°.

На вершине мы поблди немного более полчаса.

Спускались вниз очень быстро. Ноги ползли по снегу. Получилось, как-будто идешь на задках. Сиделись палки. Через два с половиной часа мы были уже внизу, у Приюта Одинадцати.

Отправился вглубь Балкарии. Мы проходили настибшими, где трава была выше роста человека. Через долины рек Чечем и Урван, одолев два перевала, мы прошли на ледник Безенгий. Этот ледник занимает целое ущелье, вплотную подходя к боковым склонам.

От ледника через Нальчик мы проехали к Кислоуду, где поднялись на Девдорский ледник.

СЛЕВА: В. Л. Семеновский — участник экспедиции на Эльбрус, один из отыскивателей наших альпинистов. ВВЕРХУ и СЕРЕДИНЕ: До вершин Эльбруса — после перевала Карных Аул, ВНИЗУ: Все время маневры на безснежных вершинах Эльбруса. ВВЕРХУ-СПРАВА: Выветренные скалы над долиной реки Мочки.

В заключение, нужно сказать, что наше восхождение на Эльбрус было далеко не первым; но в отличие от всех предыдущих экспедиций нам удалось первым от подножья и до вершины подняться без проводников и без носильщиков.

1 Эта котловина — бывший кратер застывшего вулкана — Эльбруса.

ко возможно мы ускорили ход, горнясь добраться до черных скал. Там можно было укрыться от ветра. Вышла и туман, — ступица вьюгой выносом здесь, почти все время закрывали от нас скалы. Только благодаря компасу и бусолам и хорошей способности т. Семеновского ориентироваться, мы сумели

БЕЗДЕЛЬСКИЙ ВЕТ

Роман Ж. РОНИ, перевод в обработке А. ГАТОВА. Рисунки А. РАДАКОВА

НАУЧНЫЕ КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ

Начинаясь печатанием роман Ж. Рони и роман научно-фантастический. Его название, заключаемое в том, что Рони описывает ряд необъятных или событий являющихся представления о физических явлениях, в частности в явлениях света. Фантастичность же его в том, что автор теоретически возможные представляет как действительно происшедшие. Изобразив катастрофу в явлении света, Рони в своем романе показывает переживание такой катастрофы человеком. Это обусловлено тем напряженностью обстановки, в которой протекает происшествие романа.

Для того, чтобы наш читатель мог разобраться в причинах событий романа мы даем следующие научные к нему комментарии.

Волны заряженный электричеством предмет в нашем его расширяется с нашей скоростью. Если этот предмет будет колебаться 50 раз в секунду вниз и вверх, то получится электрические колебания — примерно такие, как в тех проволочках, по которым идет ток в наших лампочках. Если он будет колебаться 50 раз в секунду, то получится те колебания, которые получаются в телефонных проводах во время разговора. При пятистах тысячах колебаний будет уже те колебания, которые происходят на наших радиостанциях — радио колебания в я. Если же мы начнем качать заряженный предмет со скоростью в 3,000,000,000 раз в секунду, то от нашего предмета начнет исходить свет, а если, как у нас, то мы начнем качать его в сто раз скорее — и предмет заискрится уже желтым светом.

Таким образом, увеличивая скорость колебания заряженного электрического предмета, мы могли бы получить от него и электрический ток, и тепло, и свет. Эти колебания распространяются кругом во все стороны, особые вещества, которые называются диэлектриками, оно невидимо для глаза и ощущение, но имеет в природе огромное значение. Благодаря его колебаниям и происходит распространение электричества, тепла и света. Волны этих колебаний отличаются не только своей частотой, но еще и длиной и скоростью. Электрические волны имеют одну и ту же скорость — 300 тысяч километров (250 тысяч верст) в секунду — отличаются только своей длиной. Те волны, которые мы получаем по радио, например, имеют длину в 500 или 1,450 метров; те волны,

которые дают свет, уже так малы, что в одном миллиметре их поместится от 10 до 70 тысяч. Одна тысячная миллиметра называется «микрон» и микрон, значит, длина световых волн будет от 1 до 10 десятых микрона. Если длина волны будет 710 микрон, то получится красный свет. Если 610 — оранжевый свет, 55/100 — желтый свет, 5/10 — зеленый свет, 48/100 — голубой, 45/100 — синий, 4/10 — фиолетовый, 1/10 — так называемый ультрафиолетовый, который не виден для глаза, но в природе имеет огромное значение. Под влиянием ультрафиолетовых лучей у растений и животных становятся ярче краски, у человека получается загар, а может получиться даже ожог; некоторые вещества под влиянием этих лучей светят флуоресцируют, например, янтарно-алюминиевое серебро, другие же наоборот соединяются — слипается коллоидом (в ядре и в атоме). Все эти явления имеют, однако, большое сходство не только в скорости их распространения, но еще и во многом другом: все они одинаково отражаются (как световые лучи в зеркале), преломляются (как в призме или увеличительном стекле), могут быть расщеплены (в ядре и в атоме) и поглощены друг другом (и в ядре и в атоме).

Это последнее явление особенно интересно. Если направить друг против друга ряд волн одинаковой длины, но так, чтобы гребни одной-волны приехали против понижения другой волны, то одна волна уничтожит другую и волнение прекратится. Направив таким образом поток волн красной и красной свет перед нами исчезнет. То же самое может получиться, если мы пустим одну волну в другую, но также, чтобы гребни одной совпали с долинами другой.

И совершенно наоборот, если гребни обеих или нескольких волн, идущих в одну сторону направятся навстречу друг другу, то волнение умножится. Свет от такого смещения волн станет ярче, звук сильнее, действие волн усилится.

Нет нужды много говорить о том, какое значение имеют электрические, тепловые, световые и звуковые волны в природе. Трудно было бы себе и представить, что случалось бы в природе, если бы эти колебания почему-нибудь исчерпали или же, наоборот, возросли.

Нарисовав такую картину как раз и пытается, повторять, Ж. Рони, и роман поэтому становится предельно бытовым.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отражение Жюльи Мерриал в зеркало было по отношению к ней необычайным. Она казалась, то уменьшалась, отражение получалось меньше своего, чем обычно.

— Это непонятно, — пробормотал молодой человек, — почему же так?

Обе электрические лампочки были осмотрены и оказались в порядке; зеркало было вычищено, но явление продолжалось. Оно не прекратилось даже, когда Мерриал, чтобы убедиться, что явление — это произошло или с зеркалом, или с электричеством, или со мной!

Ручное зеркало свидетельствовало подобно не изменению. Чтобы проверить себя, Жюльи позвал своего слугу Мартину, कुछе он сидел по своему привычному лицу и с глазами приоткрыта. Слева она ничего не различала, так как давно уже была далека от всякого скелетата, потом без чего-либо изумления заявила:

— Камнет, так волосы и дымок.

— Мою зрение не обмануло меня! — заметил Мерриал. — Мартин, принеси мне свет.

Через несколько минут при свете трех пламени подтвердилось, и густота пятен усилилась; явление повторилось в разных местах квартиры и на лестнице, освещенной газом. Итак, ни электричество, ни зеркало, ни явление приоткрытия не могли быть заложниками в какой-либо ненормальности. Приходилось прибегнуть к более общим предположениям, а из них было много. Со светом произошло странное, что явление происходило в области распространения явления. Оно могло произойти в доме, на одной улице, в городе, могло распространиться на Фрашью, на Барону, на всю окрестность, или даже на весь мир. Ему было лет 35; он был тих и мускулист. В его лице приковывали внимание только глаза цвета берилла, познание итара, итара, но расцветшие, со сверкающими от крайности, восторженности и беспорядочности и полноте яркости. Его яркий рот говорил о чистой душе ребенка, под скрывалась под курчавыми волосами, которые подпадались лишь метательной привычке.

Мерриал принадлежал к тем ученым, для которых лаборатория являлась полем сражения. Погруженный в мир атомов, он искал об явления основных явлений природы. Нормальность, которую Мерриал искал, была не в области, а в области загадочной. Нелзя было медлить. Он собрался к Лангту, своему учителю, перед которым он преклонился. Жюльи закончил свой туалет

и не позавыл захватить с собой карманное зеркало. На улице он неоднократно останавливался перед витринными зеркалами. Когда он себя осматривал в витрине бельевой магазина на улице Ревель, его охватило чей-то надтреснутый голос:

— Кто вы, и куда вы идете, молодой человек?

Он обернулся и увидел молодую особу с трогательными и вместе с тем насмешливыми глазами.

— Я смотрю не на себя, — расовинно ответил он.

— А, — протянула она, — может быть, ты смотришь на своего отца?

— Феномен продолжает.

— А что, он запалит синенькую, твой феномен?

Мерриал засмеялся.

— Я вам заплачу синенькую, если вы внимательно посмотрите в витрину и скажете, что вы там видите.

— Ой, мер, спятил, — подумала она, но, зная, что желания сумасшедших надо исполнять, она охотно повиновалась.

— Скажите мне, действительно, что вы видите?

— Что? Мой флакон, и...

— И ничего больше?

Она нагнула зрение.

— Теперь, я вижу на стекле какие-то маленькие нити, которых обилие не бывает.

— Ну вот, — улыбался сияя Мерриал, — это и есть феномен. Берите вашу синенькую. — Он протянул ей флакон и вынул из кармана.

Нелюбопытное возмущение царило за столками. Люди говорили одновременно. На углу улиц Суффро полиция вмешивалась в драку.

— Молодой человек, вы идете к Керуру Лангту, когда час на колокольне пробили 9. Старый Жюльи сам открыл дверь своему ученику. Это был уставый, разварившийся старик с огромной белой головой, как светился цинкворой. Старый ученик вел беспорядочную жизнь. Из-за нелюбы с университетом провел он свою молодость в нужде.

Гениальный, одаренный упрямством великим естествоиспытатель, как это случается со многими выдающимися людьми, он должен был познать все горькое положения, когда другие, воспользовавшись его открытиями и броширами, оставили его в стороне. Он работал со столь первобытными аппаратами и столь ограниченном количестве материала, что достигал успеха только благодаря своему чудовищному упорству, борзости и профессиональному предельному. Предельно совершенное оборудование лаборатории. Самым тщательным ударом, который разбил его жизнь, была печальная история о его открытии вращательного магнетизма.

— Во время работы над этим изобретением он привлек к своему лабораторию молодого ученого Антонина Лориса. Лорис был известен умением принимать чужие открытия и провозглашать тремя или четырьмя броширами номинального характера. Он был человеком, способным к блестящим похвалами и блестящим пониманием дела. Однажды Лангт, охваченный желанием поделиться своими находками, рассказал Лорису свои горестные открытия, которые с помощью которых он приступал к опытам над вращательным магнетизмом. Через три месяца Лорис делал доклад в Академии Наук о новом замечательном открытии, которое было именем ним, как тем же открытием Лангта, на сей раз неопровержимо, благодаря гарантии, которая дает опыт усовершенствованные аппараты и первоначальные материалы. Лангт предоставил против этого с неговованием плагиата. Лорис отвечал потешливо и в примирительном тоне, но распространял тайком статьи о Лангте, где упоминались пренебрежительные отзывы и его несправедливо с университетом. На стороне Лангта стояло несколько малоизвестных лиц, которых был закрыт доступ в наиболее влиятельные журналы, и Лангт потерял великое открытие всей своей жизни. Как худшим свалился, что произошло, казался ему — Весь день и полно мрачных предчувствиях.

Он сминил ручку Мерриала. Его глаза мерцали горючим огнем.

— Я так уверен, так устал, — пробормотал точно со стылом старый ученый. Иногда восторг и чувствую, как моего ла насветит «ветер безумия», как в подходе к вам.

Мерриал с участием смотрел на своего учителя.

— Со мной тоже происходит сегодня что-то странное, такое же, как и с вами, под воздействием какой-то силы. Моя служанка была тоже необычайно возбуждена; она разговаривала громко сама с собой; наконец, вечером толпа казалась неожиданно настроенной.

— Он устал на столе номер «Тан».

— Простите меня, мой великий друг, и он погружен в чтение газеты.

— Вот видите, возбуждение прости Самозубиста! Безумие, убийства, это было замечено уже вчера.

Известный французский поэт.

Старый ученый, охваченный волнением, наклонился над газетой. Вздарились короткое тревожное молчание.

— А что же вы предполагаете, мой друг?
— Я думаю, что в этом углу планеты происходит что-то необычайное.
— Вы смотрели сегодня в зеркало?
— В зеркало?—удивился Лангр,—может быть утром, когда я причесывался.

— И вы ничего не заметили?
— Ничего. Но ведь я так рассеян.
Мейраль поднял одну из керосиновых ламп, которые освещали комнату, и поспею ее к зеркалу.
— Смотрите!

Старый ученый впился в свое изображение со всем вниманием исследователя.

— А,—проговорил он, наконец,—я вижу там волосы.
— Я только что это заметил, опасаясь, чтобы идти к вам. Очевидно, что это произошло, с каких пор—не знаю.

— А сделаны ли вы необходимые проверки?
— Я ограничился проверкой самого явления, и даже проверил его пороги в витрине бельевого магазина.

Они оба задумались.
— Если свет болел,—начал, наконец, Лангр,—нужно узнать, что с ним.

Он направился к столу, где находились оптические приборы. Прошло довольно много времени, прежде чем Лангр, а потом и Жюль заметили некую туманность в световых отражениях.

Лангр схватил кусок исландского шпата, положил его на брошюру. Бесконечное изумление испарило его лицо.

— Четыре изображения! ¹

¹ Сначала луч, проходящий через стеклянную пластинку не разделяется: если положить стекло на бумагу с нарисованной на ней точкой или буквой, то видишь эта одна точка. Проходя через кусок исландского шпата, луч разделяется и поэтому вместо одной точки на бумаге видишь через него две. Мейраль заметил в зеркалах полоски, как будто луч в них разделяется; тогда в исландском шпате лучи должны были бы соответственно уже не удваиваться, а умножаться и вместо одной точки или черточки показывать целых четыре.

— Неужели четыре?
Поразенные они застыли в молчании. Лангр заговорил первый.

— Наше удивление глупо. Ведь второе явление есть следствие замеченного; так как стекло дает два изображения, то шпат должен дать четыре.

Он направил пучок лучей на цинковую флинт-гласу ². Мейраль принимал свет на экран. Захват был очевиден: красная область простиралась на оранжевую, желтая—на зеленую. Все происходило так, точно один спектр неровно наклонялся на другой.

— Нет,—закричало проговорил Жюль,—это явление не зависит от изменений в отражении лучей! Каждый луч имеет независимую жизнь, отражается и преломляется ³ как его луч, близнец.

Явление казалось загадочным и необъяснимым.
— То, что происходит, настолько значительно, что мне стыдно за мои предположения. Нам остается лишь работать и работать,—горячо произнес Лангр.

Они приблизились к рабочему столу, чтобы продолжить свои опыты, как вдруг из коридора раздались резкий звонок телефона.

— Кто может меня вызвать и в это время? Что случилось?

Лангр направился к аппарату, бросая на него враждебные взгляды.

— Алло! Кто там?
— Это я, Сабина. Приезжай скорей! У меня опять сильный припадок невравности, он почти что сходит с ума.

Труба передавала такое отчаяние, что ученый победил.

Нужно бежать! Бери автомобиль и приезжай сюда.

— Это невозможно. Он запер меня с детьми.

— Хорошо, еду.

² Лучшие призмы (треугольные бруски) делаются из флинт-гласа, т. е. такого сорта стекла, которое сильно преломляет лучи. Солнечный свет, преломленный сквозь призму из флинт-гласа дает длинную радужную полосу на экране, в которой цвета располагаются так: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый.

³ Polarизацией света называется расщепление одного луча света на два, как это происходит при прохождении света через исландский шпат.

Ланг уронил трубку и бросился обратно в лабораторию.

— Моя дочь зовет меня,—вскричал он,—этот несчастный Пьер сходит с ума. Ждите меня здесь.

— Я предпочитаю ехать с вами. Вам может понадобиться помощь.

Лангр согласился на слова. Как бывает с нервными людьми, его беспокойство отало истеричным. Вдруг ему стало дурно, он пошатнулся, но тотчас оправился.

— Хорошо,—сказал он,—мы оба справимся с ним.—И прибавил вдумчиво.—Но Пьер-то ведь не сумасшедший.

В автомобиле Лангр думал об этом неясном браке. Он осознал выбор своей дочери. Почему она остановилась на этом мрачном, молчаливом человеке—Пьере Веране. Это не был каприз выбора, так как не одна черта характера Сабины не гармонировала с его характером. Она его выбирала. Она с дикой энергией, с истеричным упорством захватила ее. Чтобы завести Сабину, он сумел обзавестись свое глубоким интересом, справиться себя и смелостью свою ревность. Он показывал ей только свою правдолюбивость, Смирненский и мрачный он, казался, таил в себе каку-то глубокую драму.

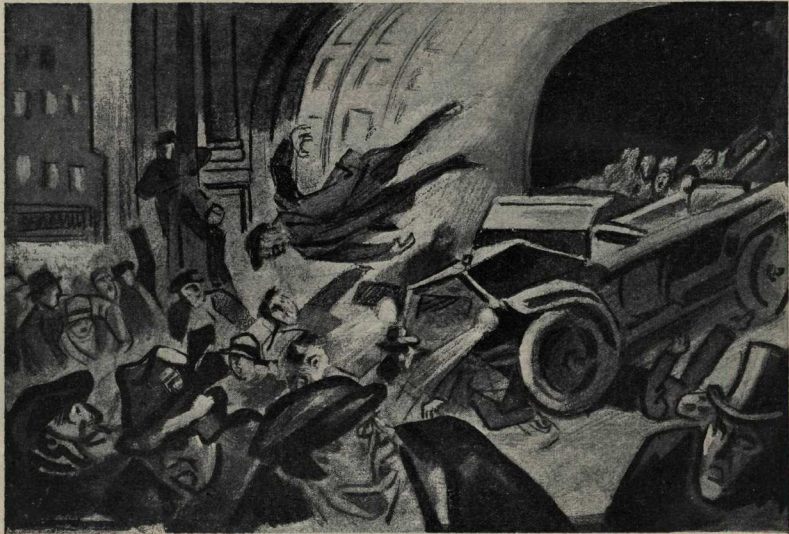
Сабина подсадила Верана, потому что так решила обстоятельство, время, случайная встреча.

ГЛАВА ВТОРАЯ БУРНАЯ НОЧЬ

Автомобиль мчался полным ходом, обвивая на пути прокопанные, ославивших его бранью, Шюффер местами куривая или отечная на крики резкими возгласами, предупреждая их гудком.

— Несчастный возбужден,—прошептал Мейраль, когда они достигли моста Алматы.

Он сам испытывал некоторые возбуждение; глава старого ученого дико блеснула из-под густых белых бровей. Эта чрезмерная чувствительность беспокойна молодого человека, так как она все возрастала. Поэтому он не удивился, когда на авеню Морсо увидел четырех прилично одетых мужчин, которые набросились друг на друга с палками. Женщина с ребенком на руках собралась броситься с отчаянным воплем под автомобиль, а шюффер, чудом миновавший ее, смеялся резко и хинно. Около арки Звезды происходила

... Какой-то автомобиль, раздавие несколько прохожих, выбросил в толпу своего шофера

свадьбы; несколько сот людей преследовали с диким воем полицейских. Вдруг поднялся страшный крик: какой-то автомобиль, гонимый несколькими прохожими, выскочил в толпу своего шофера.

Все это виденное пронеслось мимо них. Авеню Булюнского леса широко открылась перед ними; машина мчалась как на гонимых. В полутьме виднелись другие экипажи и почти изо всех окон и витрин струился свет.

— Возбуждение растет, — с отчаянием бесположностью думал Мейрвальд, — бурные носят человечество, как навалерийская атака.

Автомобиль остановился на улице Марто перед маленьким собориком из жемчужного камня, перевернуто с красным кирпичем. Перед домом был небольшой выщипанный, в котором виднелись тополя и пихавые деревья.

— Вы не здесь ложитесь, — сказал Лангр шоферу.

Шофер повернул к ним свое суровое лицо.

— Пожалуйства, — пробурчал он, — только не поздно, мне пора ехать домой. Я уже катаю 15 часов.

У него была в обиход добравшаяся физиономия, кроткие, исподслепые глаза, но он был сильно возбужден. Мейрвальд смотрел на него с бесположим вниманием.

— Эхот эш нормален — подумал он.

— Мы постараемся непошто задержать вас, — сказал он мягко.

Как только Лангр протянул руку к звонку, дверь дома быстро открылась, и человек без шляпы, с расстеганными волосами выбежал в палатник и кинулся к каминке.

— А, мой тесть, — вскричал он в свирелом изумлении грозным голосом. — Где Сабина? Где дети?

— А я почему знаю? — так же резко ответил ученый.

Они смотрели друг на друга сквозь решетку камина, как хищники. Одним среди хищников их глаза, один в тот же миг суворозно сжал их челюсти. В эту секунду они были возбуждены так страшной силой, они были готовы мчаться друг на друга. Наконец, беспокойство взяло верх над гневом: — Как же мне узнать, где она, — уже надлобно вытаращив ученый, — полчала назад я был дома, а Сабина...

— Она еще здесь, — кричала хихорачиво Ченд. — Она, верно, где-нибудь поблизости, — амчался Мейрвальд, который держался в стороне от камина. Берани повернулся к нему, желая его обласкать, но замечая, как исподтишка поворачивался друг на друга. Наконец, беспокойство взяло верх над гневом: — Как же мне узнать, где она, — уже надлобно вытаращив ученый, — полчала назад я был дома, а Сабина...

— Все, все я обмыслил.

— На она одна?

— Нет, она увела с собой детей и горничную.

— Нам остается, — сказал Лангр, — развешать вале махивх покровов. Вы, Берани, обмыщите соседние улицы, как же с Мейрвальдом — на автомобиле — болше стараннее части города.

— Я не желаю, чтобы посторонние вмешивались в мою личную жизнь, — воскликнул резко Берани.

— Вы же хотите, — с отчаянием вырвалось у Лангра, — ну, так пора покончить с этим. Вданный момент вы не муж Сабина, а преступник. Вы даме не должны были бы принимать участие в поисках. Если я признаваю вас присоединиться к нам, то только в надежде, что вы будете искать себя как порядочный человек. Хотя вы и мнявник, но все же должны понимать беззаконность своего поведения.

Нежность, возмущение и беспокойство кипели в сердце Браунного мужа, но он овладел собой. Повернувшись, он быстро вошел в дом.

— Нынче неждать его, — пробормотал Лангр, — он полон слухов. Если же и мы на наши поиски.

— Студка мы начнем? — спросил Жорж.

— С Авеню Булюнского леса.

— По-моему, это неправильно. Ваша дочь убедила в этом, куда глаза глядят, пока муж ее был наверху. У нее могла возникнуть лишь одна мысль: укрыться у вас.

— Не зьяна она знала, что я направился к ней. Зьяна и рассчитывала на вас, и, верно, не побоялась, придет как уборова, но стравившаяся безумными выхлопами Берани, а также возбуждением, которое перелазило ей, как и всем нам, зьяна, наконец, верх, и она скрылась. Я думаю что она где-нибудь неслыхо отсюда. Один из нас должен осмотреть ее здесь, другому мужья отделиться к соборному метрополитену на Авеню Булюнского леса или на Авеню Великой Армии.

Вы правы. Горничная, которая сопровождала Сабину, вероятно, будет предпринимать. Я удаляюсь туда, что она еще не вернулась.

— Эта ночь такая страшная, — пробурчал Мейрвальд.

— Кто же из нас останется здесь?

— Я остаюсь, берите машину.

... Он заметил у колонны сидящую женщину, рядом с ней шептал ребенок, другого она держала на коленях

В течение часа кружили они по городу на автомобиле по полемской железной дороге. Город был возбужден. У остановки трамвая стояли мужчины и женщины, ждавшие вырвавшая свое истергание. Жорж вернулся на Авеню. Там стоял страшный шум. В ресторане, под опелителным светом, мужчинам и женщинам пели, выли и кричали. У прохожих была нетерпая форма.

— Продолжайте, — подумал Мейрвальд. — Он только-то хотел дать приказ шоферу, как заметил восклицания, о существовании которого он почти что не подозревал. Божан был прерваным жестом, дил, оминаях; Избегая столкновения с группой людей, студка доносился бесовскими слова, Жорж вошел в зал. Он оказался пустым. Молодой человек хихорачиво отглядывал пыльный пол, старина, наполнившегося как фортык жаром, старичный диффербал, показывавший положению десятидвухдот и вал, который подался ему не только мрачным, но и жутким. Страшно беспокойно вступило вступило Мейрвальд.

— Пожалуйства, билет на станцию Сен-Лазар, — спросил он в кассе.

Женщина взирнула и поставила печать дрожащей рукой.

— Что только все это значит? — спросил себя Мейрвальд, спускаясь по лестнице. — Мои возбужденные растет, оно растет и у остальных. Как бы мы не лишились рассудка за эту ночь.

Его начало хихорачиво. Он вышел на перрон, который показался ему еще мрачнее, чем зал. Освещение было слабое. Какие-то тени двигались в полумраке. Вдруг сердце Жоржа забило: он заметил у колонны сидящую женщину, рядом с ней шептал ребенок, другого она держала на коленях.

— Сабина! — прошептал он.

Перед ним встали воспоминания, такие нежные, свежие и печальные. Он походил ил и спокойно подошел к мадам Берани. Наверное, если поразил бы ее меньше, чем Мейрвальд. Видно было, как запрокинула ее рука, она суворозно прижала к себе ребенка, ее глаза блеснули, как звезды; они парывали и исподтишка страх и безмерное удивление.

— Это случайность? — пробормотала она и остановилась.

— Нет, — ответил он, — я искал вас.

Она биниво улыбнулась, сразу успокоилась и промолчала. Это была опелителная бинонина с нежно-розовым лицом, с большими рожками глазами.

— Вы не хотите домой?

— О, нет, нет, — жалобно вырвалось у нее, — я не хочу вернуться домой сегодня, я не хочу подвергнуться, — она не дочинила, ужас охватил ее, и губы ее передернулись.

— Итак, мы подождем, — сказал он. Волнение немичим перелазило ее, и было.

— Какая я сегодня нервная, — призналась она.

Он ответил машинально:

— Мы все возбуждены сегодня вечером. — Вдоль его отдралась скушевание, печаль, и воспоминания встали перед ним — жестокие, раздушающиеся, но чудесные.

— Не лучше ли нам подождать там? — снова начал он лишь для того, чтобы сказать что-нибудь. В знак согласия она наклонила голову. Мейрвальд острожно навалил девочку, которая сидела рядом с матерью; Сабина несла мальчонку. Ждать им пришлось недолго. Едва прошло пять минут, как подошли ученые и горничная. Лангр страшно обрадовался, руки его прожарили, он улыбнулся, но к удовольствию примешивалось что-то трагическое и неулесное. Он смотрел на детей. Дети были той нитью, которая протягивается от него вдалеке, глубокое будущее.

— Как ты решила поступить, моя дорогая? Не вернешься ли ты к мужу? Ответом была улыбка, которую уже слышал Жорж:

— О, нет, посел. А может быть, никогда. — И она прибила к груди, глубоким голосом: — Я боролась, отец, и отчаянно боролась, и думала, что смогу покончить, но я не могу больше, я больше не могу.

— Уж я, во всяком случае, не стану принуждать тебя к этому, — сумрачно ответил отец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ В ЛИХОРАДКЕ

Вдоль два часа ночи, когда Мейрвальд покинул Лангра и Сабину. Улицы предместья Сен-Жак, назавало, аснула, но число освещенных окон не уменьшилось; возбужденные люди металась по тротуару, показывались из-за углов.

Зарев помара окривало облака. Дюпюисские отдаленные выстрелы. За улицей Сен-Жак становилось многолюднее, толпы стеклись на улицу Ге-Люссак и образовали яструку массу в начале бульвара Сен-Мишель. Торгов уладося пробраться к вокзалу.

Ему удалось, наконец, после утомительных обходов добраться домой. Служанка Мартина окинула его, перенутанная, потеревшая голову от ужаса и перематах событий, разнервничуясь а столь драматической форме.

Это существо привело Мейрвальда в отчаяние. Оно с раздражением смотрела на это сморщенное лицо.

Вместе с тем ему было мавь се; он понимал ее примитивный страх и разгоряченную игру ее воображения.

— Прежде всего мыслите так, — приказала он. — Следуйте примеру трамвая, укройтесь в вашу шаль. Лучшее убежище — это ваша комната там, наверху.

Слова вырвались у него, как вода из испорченного крана.

Она слушала его с опеленением и нерешительностью. Потом, внезапно схватив свою маленькую медную ложку, убегала по черной лестнице. Он удалялся в свою лабораторию, и его возбуждение, назавало, возрастало.

— Работать, маленький атом! — воскликнул он.

(Продолжение следует)

Результаты первой игры в Буримэ

Первая игра закончена. Мы считаем, что прошла она удачно по-скольку приняло в ней участие более двухсот человек, пришедших нам письма.

Результаты были даны следующие:

1	} «Смена
	 завод
2	} «Смена
	 завод
3	} «Смена
	 завод
4	} «Смена
	 завод

Редакция решила премировать лучшие решения двумя премиями (второй и третьей: «Смена» — на 3 месяца и «Смена» — на 1 месяц в 1928 году).

Всю эту премию получил В. Неаолобин, Духовщина. Смоленск. г., автор двух четверостиший:

Спешит и заводу утренняя смена,
Зовет гудком ее родной завод...
И о песню (про Чамберлана)
Шагает дружный комсомольский завод.

Нам о боях наводнила тревога,
И я в ты—кряжи Советский тыл.
И на мигедах марширую в ногу,
Влияя в песни комсомольский пыл.

Тутую премию получил тов. Ав. Николаи (Москва), автор одного четверостишия:

Чул! Радаются тревога:
Враг забарасся в тыл...
«Смею, товарищи, в ногу!»
Мы не уемерн свой пыл.

Кроме того редакция признала удовлетворительными решения следующих товарищей: А. Жована (Сергиево), И. Шербана (Москва), Н. Абормова (Ленинград), Л. Чукува (Коломна), Д. Калмыца (Ст. Орск), А. Матгар, К. Старбедов (с. Давлеканово), И. Рабинина (Харьков), Н. Лебева (Москва), А. Семенов (с. Сарву), Е. Иова (Киньки), М. Моза (Москва), Александр (г. Сальца), К. Кузова (г. Сальск), М. Лебева (Фотос) и др.

Товарищам, получившим премии, журнал будет высылаться с 1 янв. 1928 г.

Редакция.

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ИГРУ В БУРИМЕ

Тот факт, что редакция «Смены» дня пор, когда уже опубликованы результаты первого конкурса «Буримэ», получают новые и новые десятки писем с решениями, показывает большой интерес наших читателей к игре в Буримэ. Огромное количество участников первой игры вполне по-нявно ее смысл и очень легко справились с решением. Поэтому вторую игру мы дадим несколько более сложной, хотя вполне разрешимой для боль-

1. Вот ритм для стихотворения в 12 строк:
- рабфакт
 - десят лет
 - факел
 - побед
 - стremинья
 - больш
 - пенье
 - ВУЗ

будим
..... ни
..... лодки
..... октябрь

II. Даем начало строки, в которых нехватает по одному слову в каждой, при чем слова эти должны обязательно рифмоваться (в первой строке — с четвертой).

Надо найти эти слова, чтобы получилось четверостишие.

«Нам все жной и
Друга, века, прошедших
Дружа, историчеких
Мы встретим правдних
За лучше решения—3 премии:
I—«Смена» на 6 мес., II—«Смена» на 3 мес., III—«Смена» на 1 мес.
Примечание «Рабафакт» факел. Это не точная рифма, в ассонанс, часто употребляющаяся в современной поэзии.

Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва. Центр. Новая пл., д. 6

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ НОВЫЕ КНИГИ

- Астров, В. и Селюков, А.—Октябрьская революция.** 4 печ. л.
Масовая брошюра для рабочих и крестьян (печатается).
- Безлюков, П.—Комсомол на фронтах.** Популярный исторический очерк, под редакцией Л. Шапкина. 7 печ. л.
Участие комсомола на фронтах гражданской войны. Героизм революции. Книга составлена по материалам Ил. ола ЦК ВЛКСМ (печатается).
- Горюнович, А.—Что дала Октябрьская революция рабочей молодежи?** 3 печ. л. (печатается).
- Львович, И.—Комсомол в советском строительстве за десять лет (1917—1927).** Под редакцией Л. Шапкина. 5 печ. л.
Рабочая молодежь вместе с большевиками за власть Советов. Комсомол в Красной и трудовой армии. Комсомол на советской работе. Революционные завоевания молодежи (печатается).
- Как праздновать Октябрь.** Методические указания. (Агитпроп ЦК ВЛКСМ). 3 печ. л. (печатается).

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

- Ленин, В. И.—О молодежи.** С 3 портретами Ильича. 2-е дополн. издание. 205 стр. Ц. 30 к.
- Октябрь в клубах молодежи.** Под редакцией и с предисловием Агитпропа ЦК ВЛКСМ. 270 стр. Ц. 1 р. 75 к.
Содержание: Материалы для докладов. Перед Октябрь. Дни борьбы и победы. Начало завоевания власти. В помощь проведению кампании. Стихи, песни и инсценировки.
- Веприкский, М.—Октябрьская вечеринка в деревне.** 100 стр. Ц. 25 к.
Содержание: Как провести вечеринку. Об Октябрьской революции: игры, рассказы, песни, стихи, для громкого чтения кашушки, игры, инсценировки, вопросы. Список литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Асеев, П.—Октябрьские песни.** Стихи. 32 стр. Ц. 25 к.
- Басов-Верховичев, С.—Россия.** 102 стр. Ц. 1 р. 10 к.
Художественное изображение русской истории, главным образом сатира на династию Романовых, на временное правительство, на Керенского и на белых генералов,—в форме сы-больдого стиха, стилизованного под народные песни и прибаутки.
- Березовский, Ф.—Мать Говеть** о вбяринем. 4-е дополненное издание. 143 стр. Ц. 65 к.
Один из наиболее волюнтерских литературных памятников жертвенности великих безмяннх героев революции (из отзывов в печати).
- Блехин, П.—Вольшеки Мамед.** С иллюстрациями. 91 стр. Ц. 55 к.
В сценарии Блехина столько зааров, крепкой, подлинно-революционной романтики, столько веселой занимательности и легкости, что в чтении он доставляет удовольствие (из отзывов печати).
- За власть Советов.** Литературно-художественный сборник. 198 стр. Ц. 50 к.
Сборник, отражает участие женщины в гражданской войне в дни ожесточенной борьбы рабочего класса за коммунизм. Здесь представлены произведения «Вамского», Александровского, Вересова, Герасимова, Неверова и др.
- Саваровский, Д.—Партизаны Волги.** Очерки и воспоминания бывшего партизана. Со вступительной статьей В. В. Куйбышева. 141 стр. Ц. 25 к.
- Тарасов-Радионов, А.—Линия.** Повесть. 88 стр. Ц. 25 к.
- ПЬЕСЫ.**
- Карицкий, В.—Недорослевский портрет.** 8 одно-актных пьес. 2-е исправленное и дополненное издание. 96 стр. Ц. 45 к.
Содержание: Чердак. Зимний двор. Октябрь. Город. Выстрел. Деревня. Эмиграция. Пять минут.
- «Ю»-«К».—Красные орлята.** 30 стр. Ц. 15 к.
Пьеса рисует случай из Октябрьской революции и подлинную работу комсомола в дни гражданской войны. 3-й